

ОМЕНА

№ 19 ОКТЯБРЬ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ЮНОСТЬ ОБЛИЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ:

ГЕНОЦИД

сталдинский балкон нависает над центральным пролетом цеха. Отсюда, как с капитанского мостика, видишь весь Цех просторный, многоцветный, гудящий. Повавшийся вдали кар похож на оравшего жулика. Зелень горючих цветов высветлена подчас сквозь стекла светом. Голубыми линейками протянулись ряды станков, и над ними сгущается блеск стонущих под резами деталей. Складенные станки токарки в темносиних аккуртнх комбинезонах. И я ищу среди них Константина Иосифовича Трутнева, о котором мне говорили много и вальдо. Хороших мастеров на заводе немало, а он профессор токарный. За советом к нему приходит не только сосед по цеху, обращается технологи, конструкторы. С Трутневым меня не знакомили, узнал я его сам. Наверное, по скучным, расчетным движениям, но детности, даже артистичности, с какой он работает.

Константину Иосифовичу — 55. Сорок лет ходит в токарках. Перед самой войной получил от этой профессии, вышедшей ранней. Почему?

— Что вы! Разряд у нас как диллом у инженера. Его все время подтверждать надо, гнаться, чтобы встать над ним. У каждого годом обновляются станки, сложные становятся детали, новые материалы идут — приходится учиться всю жизнь, так что нет потолка у мастера.

Только раз в жизни подвела моего собеседника высокая квалификация. Было это в сорок первом. Сколько он тогда заработал не recall, сам на прием к военкому ходил — хотел на фронт. А приказ ему был дан, как в песне, — в другом поезде. На Урал. Но в трудные ордена тех лет не менее весом, чем боевые. За троих приходилось трудиться каждому.

Константин Иосифович всю жизнь работает на «ДНШ»: многие вышедшие токарки знают, как расшифровывается это название: «догнать и переплюнуть». И при этом, что в томд первой пятилетки так называли станок, а не автомобиль или трактор. Станки — база машиностроения, основа нашего могущества. «ДНШ», на которых работал Трутнев, конечно, были равные. Станки, как и всякое оборудование, постоянно модернизировались, улучшались. Даже вышедшие вышедшие отключаются от тех, первых, как современных электроот «кукушки». А на многих предприятиях уже стоят станки с комплексным программным управлением, и каждый на них по производительности в 4—5 раз превосходит универсальный. Их выпуск за последние увеличился более чем в три раза. Несомненно, что скоро они появятся и в цехе Трутнева. И когда я спросил у Константина Иосифовича, хотелось бы ему работать на таком станке, он, к моему удивлению, отрицательно качнул головой.

— Почему?

— Только не обвиняйте меня в консерватизме. Просто я люблю делать все своими руками. А станки с программным управлением — своеобразные полуавтоматы. Я полюбил их неискренность, их капризность. Сейчас, например, несколько высокотехнологичных токарей делают одну и ту же работу. Не спорю на то, что они пользуются одними и теми же инструментами, их детали будут отличаться по величине допусков, но чисто по обработке. Станок же с программным управлением способен сделать идентичные детали. Забудьте, сам я не умею. Квалификация от токарки

С токарем Балашинского ордена Ленина машиностроительного завода имени 40-летия Октября Константином Иосифовичем ТРУТНЕВЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Анатолий БАРАНОВ

здесь особой не требуется. Его дело — вложить перфорацию, поставить заготовку и снять готовую деталь. Вот в этом-то и вся загвоздка. Для меня по крайней мере.

— Значит, лично для вас предпочтительнее является работа «стоять при машине»?

— Да. Но надеюсь, что со временем это психологический барьер ляжет. Тем более что у токарей, обычных и станочных, могут появляться дополнительные функции настройщиков, например, или программистов.

— Но это потребует от них и новых знаний?

— Уже сейчас токарю надо знать очень многое. Я не говорю о химии, физике, математике. Это само собой разумеется. Необходимо, еще умение и навыки обработки металлов, контроля, организации, расчетно-аналитические способности. Станочник должен знать современные обрабатываемые материалы, инстру-

менты, станки. В общем, обязан постигнуть энциклопедию машиностроения, иначе он всегда будет только «при станке». А знания эти в той или иной степени дают наши профтехучилища. Был и недавно на занятиях в одном из них, послушал ребят, посмотрел, как работают, и порадовался. Опыт еще молодого, конечно, жаль. Много. Наша профессия стала не только самой массовой в машиностроении, но и самой популярной.

— Но токарей все же хватает? — Думаю, что от недостатков в профессиональной ориентации молодежи. У нас на заводе в последние время возмел за эту работу основательный, созданы учебный пункт и мастерские, где занимаются не только наши молодые станочники, но и старинеклассники близлежащих цехов. Конечно, не каждый из них сможет стать токарем. Для этого признание нужно. Но тот, у кого оно есть, уже само настоящую профессию не пропустит.

— Но от желания овладеть профессией до мастерства большой путь...

— Я завод сознательно несет убытки от неопытности новичка. Важно только, чтобы за станком стоял не просто случайный человек, а мастер. Хотя бы мастер в потенциале. Вот рядом со мной два молодых рабочих трудятся. Виктор Горный может станок включать и бросит так, захочется — и на работу не выйдет. В токарю он случайно попал, работа его не интересует, заребате тоже — надеется, родителем прорабит. А Рафин Мухомов, а станки в них раньше гудят прилет, место свое подготовит, инструмент да заготовки разложит — поглядит любу. С аккуртностью, с уваженки к самой профессии токарю выделся. Ему мастер, конечно, в первую очередь нелегко, если надо.

— Как?

— Ну, работу лучше дать не жет.

— Получше — это, как правило, повгоднее. Так что заребок токарки не всегда зависит от его квалификации, от испроанности опыта. Тут и задание свое роль играет. Оно ведь тоже бывает выгодным или нет.

— Конечно. Но это уже идет от несовершенство нормирования. Другое дело, как эти задания распределяются. Работал в одной смене со мной парнишка, только что ушли из закончивший. Смотрю, стареет он, силы не разбавит, от станка не отойдет, а норму никак ему не удается внять. Не знаю, может быть, у спортсменов такое бывает: закованная высота, что ли? Как не поддается. Тут главное думом не унять и не отчаяннаться. Так вот, вижу, снимает мой сосед и переруки начинает удерживать чаше, чем следовало бы. Ну, я с мастером и договорился. Подобрал он ему работу, с виду мудреную, а в общем-то легкую. Смена не кончалась, а у парня уже норма есть. На часы поспрашивает и сам себе не верит. Норму выполнил, токарем себя увидел. Опыт же, зарплата выросла. Главное тут, что парня себя почувствовал способным внять закованную высоту, поверил в себя. Ему любая работа теперь не страшна. И даже если встанет в сменная специальность заинтересованности. Она где-то здесь смыкается, а может быть, и переходит в моральную, да так, что у человека заинтересованность в работу приближается к потребности. И дай ему сейчас любое задание, он надорвется, а сделанного. — Но знаний и мастерства от выполнения легкой нормы у токарки не прибавилось.

— У него прибавилось уверенности в себе. Это уже гарантия того, что человек будет стремиться к новым высотам.

Как же у вас мастера распределяют работу?

— Наверное, так же, как и на других предприятиях. Учитывают сложность задания, квалификацию исполнителя. И еще умение работать быстро и точно. Есть товарищи высшего класса, но нет у них, как бы это лучше выразить, скорости, что ли. Это, если по-спортованному, стайеры.

— Кем же вы считаете себя?

— Если продолжать то же сравнение, так мне кажется, я односторонне быстр и на длинные и на короткие дистанции. По скорости задание, которое надо сейчас же выполнить, мастер мне дает не часто. Ему виднее. Он распределяет работу, зная возможности каждого токаря и каждого станка.

В нашей стране самый мощный станочный парк, и с каждым годом увеличивается его мощность. Только в прошедшей пятилетке выпуск новых металлообрабатывающих станков составил треть от существовавшего парка. И все же малой техники еще не хватает. Почти каждый завод хотел бы иметь станки «помоложе» и современнее. А Директивы XXIV съезда КПСС подчеркивают это желание предприятий и прямо указывают на необходимость более быстрой замены изношенного и морально устаревшего оборудования. В этом направлении для перевооружения производственной базы машиностроения будет направлено 25—30 процентов ресурсов только металлообрабатывающих станков и среди них почти треть — токарные.

— В нашем веке половина станков работает свыше десяти лет, но вряд ли их можно назвать старыми. Я считаю, что и их замена надо производить дифференцированно. Одни вроде дельцевок, но от него, кроме ущерба предприятию, ничего не добьешься, а второй — только сторукий, и пользы будет не меньше, чем от нового. Конечно, если станок выдает брак, постоянно требует увеличенных затрат на ремонт, перераскладывает рабочие времена станочника, — от него в первую очередь следует избавиться. У меня самого станок не то что новый — десять лет назад выпущенный. На нем не один выпуск заводского профтехучилища упражнялся, и, конечно, замучил его донельзя. И эти станки до ума довел и вот уже почти год работает.

— Станок у вас почти персональный, но и видел, что во вторую смену не только он простоял.

— К сожалению, персональных станков еще много. Мы уже говорили, что не хватает токарей, поэтому и коэффициент сменности у нас небольшой. В среднем каждый станок работает одиннадцать-двенадцать часов в сутки, а нужно бы довести этот показатель до 16—20. О повышении эффективности работы фонды выданы, и на Директивы XXIV съезда КПСС. Сейчас это крупнейший резерв в машиностроении. Если коэффициент загрузки оборудования поднять на десятки, отпадёт нужды в строительстве новых заводов, будут сэкономлены миллиарды рублей. Так что нам надо бороться не только о замене старого парка, но и о лучшем использовании его. Быстрый рост производительности труда многие связывают только с обновлением оборудования. Не ни в прошлом, ни в этом году в нашей стране не появилось ни одного нового станка, а производительность труда выросла значительно. Это результат различных организационных новшеств. Изменила работу нашей ин-

струментальной, лехового архаика, начали заранее выдавать сменные задания, инструмент, чертежи — вот и не приходится рабочему терять время на их поиск.

— Значит, эффективность работы токарей увеличилась благодаря совершенствованию вспомогательных служб. Видимо, и здесь надо искать новые резервы?

— Да. Основное производство достигло сейчас высокого уровня механизации и организации труда. Надо нам больше внимания уделять той отрасли, которая до сих пор изменяется — вспомогательным производством. Здесь еще много людей занято тяжелым, некалорифицированным трудом.

— К сожалению, вспомогательное производство иногда воспринимается как второстепенное. Возможно, отсюда и несовершенство слесарь-механики, сварочной, резьбовой, плавки, а как следствие — низкий коэффициент полезного действия вспомогательных служб. На вашем заводе, например, так же, как и на других машиностроительных предприятиях, почти половина рабочих числится во вспомогательных цехах и службах. Это инструментальщики, наладчики, технические контролеры, электрики, уборщики... Как правило, организация и механизация их труда намного хуже, чем у станочников.

— По-моему, давно настала пора отказаться от разделения процессов на основные и вспомогательные.

Металлообработка, контроль качества, транспортровка и наладка оборудования — это звенья одной цепи. Выскочит одно — вся цепочка летит. Однако пристальное внимание и любовь у них заставит активнее совершенствовать весь процесс работы, улучшить организацию труда, вводить механизацию и автоматизацию. Составляла уроки развития этих звеньев, можно будет конкретно определять резервы повышения эффективности труда рабочих, например, ремонт оборудования или повышение готовности продукции. Улучшение работы вспомогательных служб позволит нам выдавать продукцию больше и качественнее. К тому же механизация и автоматизация дают возможность многим рабочим сменить тяжелый и в общем-то неблагодарный труд на квалифицированный, стать в станкам. Это будет выгодно и им — улучшатся условия труда, увеличится заработная плата, и государство, а следовательно, и производитель сменности. Если мы помним, реконструкция ЗИЛА началась именно со вспомогательных служб. Вообще трудовые возможности каждого человека надо использовать более рационально, с надеждой на большую отдачу.

— Многие станочники в вашем цехе работают по своим индивидуальным планам. Чем эти планы отличаются от лехового или заводского?

— Умею тем, что они личные. Прежде, чем стать заданным, эти планы широко обсуждались, корректировались самими рабочими. Они, конечно, согласованы с производственными планами участка и всего цеха, но учитывают и личные профессиональные стремления каждого рабочего. Многие наши токари взяли обязательство сменить не менее ста нормочасов в год. Считают рабочий год на полсмены увеличится. После обсуждения Директив партийного съезда 250 рабочих цеха контролирует правительственные социалистические обязательства. Увеличили их.

— Что в этих обязательствах главное?

— Повышение производительности труда, улучшение качества про-

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 19 (1065)
ОКТАБРЬ
1971

НЕКТО ПЕТРОВ.
Рассказ
Валерия АЛЕКСЕЕВА.

НАША ОБЛОЖКА.
Это летопад! Новые материалы доске «Смена» на главном праздничном XX съезде — в Бердском — читайте на страницах 8—11.

12
ЛЕСНАЯ ДРУЖИНА.
Школьное лесничество в Белоруссии.

16
МГНОВЕНИЯ ТАНЦА.
Репортаж о новом ленинградском балете «Хореографические миниатюры» — ансамбле двадцатилетних.

20
ПРОДОЛЖАЕМ «ОЛИМПИЙСКОЕ СЕРЬЮ».
МУШКЕТЕРЫ ХИ ВЕКА.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

У БУКНИСТА,
РАССКАЗ РУСТАМА КУТУЯ
МИХАИЛ БРИМАН:
О ТАЛАНТЕ УСТРОИТЕЛИ ЖИЗНИ
ДИАЛОГ С КАМЧАТКИМ ОХОТНИКОМ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКТОРЫ: В. С. Абашир, Г. П. Енисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лихачев (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Поебедносцев, Р. И. Ромодановский, Е. И. Рабинович, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Ступков (главный художник), Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевский

Художник О. С. Теспер

Технический редактор Н. И. Будкина

людии, экономии материала, эстетичности рабочего времени. Это программа, а если ее по пунктам расширять, то внутри и поиски резервов, и организация труда, и комплексная рационализаторская предложения.

К качеству у нас особые требования. Мы боремся за надежность и долговечность изделий установок. Но главное, что только за счет повышения качества отдельных узлов и деталей можно увеличить срок службы кинематрической установки почти в два раза. По сути дела, это значит вдвое увеличить выпуск оборудования. Качественно и прямо влияют на количество. Если каждый станок будет работать в среднем в тридцать пять процентов своей работы, то значительно увеличатся производимый труд и станка и самого токарка.

Мы недавно тщательно проанализировали причины появления брака. Оказалось, не всегда в снижении качества виноваты станочники. Но чтобы иметь той мере, что предусмотрена технологией, то станок как следует не отлажен, то контролер ОТК выстукает претензии браковщику. А так хочется, чтобы они могли дать квалифицированное заключение о качестве продукции, нужно повысить ответственность мастеров и заготовщиков. Вот на этих иррациональных «узлах» и складывается конкретная программа нашей работы. Но в конечном итоге качество так или иначе зависит от рабочего — его квалификации, добросовестности, его чувства станка.

— Из чего складывается это понятие «чувства станка»?

— На анализ. В первую очередь надо знать, на что твой станок способен, знать все его плюсы и минусы, уметь пользоваться ими. Ну и как-то полюбить станок — чувствовать единства с ним. Машиню — это своеобразные усилители наших физических и умственных возможностей. Поэтому и заботиться нужно о них, как о своих лучших помощниках.

Говорили мы с вами о замене оборудования. А если на старом станке работать, его разве беречь не надо? Я не говорю уже о смазке, уборке — это естественно, как дышать. Надо за станком ухаживать не меньше, чем за собой. У нас токарки помогают забывают, а мы, к сожалению, будто стесняемся им сказать, что станок не только средство труда. Он дает еще в средствах к жизни. Хочешь заработать — повышай производительность и качество труда. А если станок у тебя работает да по смазке — никак уже не надо! Смазка и, что в последние многие рабочие берут станику на социалистическую сохранность.

— Что это значит?

— Чтобы станочник сумел сделать за станком, ухаживать за ним, эксплуатировать по всем правилам технологии, работать на более благоприятных режимах и т. д.

— Чем не отличается движение восточных станочников от того, что делаем мы? Насколько я знаю, Константин Иосифович, вы сами без помощи своей промышленности прокатились осмотры и ремонт станка, тщательно ухаживаете за ним.

— У меня все-таки много самостоятельности. А в Эстонии это дело узаконено. Рабочий так заключает с администрацией особый договор, в котором обуславливает обязанности и ответственности и станочника. Рабочий становится более заинтересованным в сохранности станка. А экономия получается громадная. Ведь стоимость одного капитального ремонта станка в тысяче прибли-

жается, а сюда надо приплюсовать еще и дополнительную выгоду от продукции, полученной за счет продления межремонтного ресурса оборудования. Конечно, еще не каждый токарка сможет взять станок на социалистическую сохранность. Для этого мало надо правды эксплуатации, нужно до тонкостей разбираться в устройстве станка.

С чем бы вы смогли сравнить работу токарка?

— И она не нуждается в сравнении.

— Ис-е-таки?

— Наша профессия среди работ скаутской. Мы тоже отсеемся лишнее. Остается необходимыми.

Но не только она. Не забывай о труженике. Токарю не безразлично, какая заготовка находится на станке. Чем больше приходится отступать, тем хуже. Каждую из машинистки переводится в стружку миллионы тонн металла. А на эту «продукцию» ведь тоже тратится огромные количества материальных ресурсов, электроэнергии, труда. В последних номерах нашей партии большое внимание уделяется наилучшему использованию сырья и материалов. Улучшения должны быть работат станочника, увеличатся полезная нагрузка оборудования и инструмента.

Проблема эта сложная. И решать ее нужно совместно: ученым, конструкторам, инженерам, рабочим. Потому что рабочий человек, как правильно говорил на XXIV съезде КПСС индустриальный Ленинградского Кирзавода Александр Иванович Лебедев, должен быть ответственным не только за свой станок, но и за все, что происходит в его цехе, на его заводе.

...У Константина Иосифовича личное клеймо. Получил его одним из первых на заводе. Но и раньше его работу в ОТК не нужно было гарантировать. Деталь, им сработанная, всегда о паритет. Я долго стоял рядом с ним, смотрел, как он работает. На станочнике, в котором он держит набор инструментов и приспособлений, укреплен чертеж сложной детали. Заготовку Трутинский считал в специальные зажимы помещает, чтобы на металле не царапался, а потом уже на станке устанавливает. В технологию не надо входить глубоко — главное — чертёж, а порядок сам выбирает: как быстрее ему и сподручнее. Ошибки технологов здесь нет. Просто царю устанавливает в расчете на среднего рабочего, а Трутинский — «профессор». Станок он запускает осторожно, режет в детали подводит инструмент, присматривается, как будет выглядеть выход. Режет снимает первый лепесток стружки. Константин Иосифович привалит обороты, поводит резец все глубже, и резение станка становится омыше, напряженнее. Кажется, вот-вот он сорвется, захлебнется от непосильной ноши. А Трутинский уже встает и резение станка становится — значит, все в порядке.

— Вы действительно считаете призывные необходимыми качеством токарка?

— Тяжело делать любую работу, если не чувствуешь влечения к ней. Профессию свою нужно любить.

— Но нельзя любить то, что хоришь?

— Конечно, сначала надо заинтересоваться. А любовь приходит позднее, когда начинаешь не профессией овладевать, а мастерством, когда открываешь новые возможности и себя и станка.

Александр БОГУЧАРОВ

Из родословной

Быют кутами Веньку Богучарова
На базарной площади на спас.
Быют сегодого да еще не старого,
Его куды впамята в грязь.

Воровасть! Не терять ничице оногю,
И куды работает нуши!
Хороша была жена Филонова,
Хоть к милерпратке до двора!

Ии в хор прирородно печальничей,
Ах, Россия! Родка Россия! реч...
А сегодого надобно отахнуть!
На одной доске с брадогрой сечь.

Полобились ой куплетцы, пьесы
Сильногою братства-босна.
С ним она ходила по над лесом,
Да в ее руке его рука!

Яблои раскатывает огонь,
Сак такой, что боее упасы.
Быют бродягы на светлой и строго.
Природно по правдо Руск.

Умер дед до войны не дозвал.
Или мифологичеи воиной!
Подходеи шиеиод ноу Орехов,
И списали солдата сполна.
И не знал он, разнезас в землячке,
Что землячка ему остоя!
Над Орехово-Зуевои сиццы
Полынутил, аспугнула орна.
Попытались в том годе двуглавый,
Мой отец став фабричным тогда.
Получил законное право
В родословную сти года
Записать, сердцем введяином полна,
Как мы в летопись правды вошли...

Если я не успею, и то мне
Полается память земляки.

III

Настанет день, на день потерь позолотий,
И ты поймешь, что многие вокруг
Тебя, еще нестарого, омолоде,
Счастливее тебе, ровесник мой и друг.
Да ты, не сетуй, подумавш шути,
Что жой как жой, а жой не так уж плохо.
Ты был работник, унаниц, дитя,
В заботу дней от выхода до входа.
Чтобы сын был счастливым, памятным, здоровым,
А что еще! Тобя мама не болева.
«Бе душа да осветит твой край!» —
Ты повторяешь тихо и несмело.
А молодость! Матеность твой двоек!
А поколение — сорок к январю!
Мы связаны дыханием дней наших,
О чем сейчас еще не говорю.
Я помню лед и пламень эти дних.
Будь мужественен. Сделано немало.
По именим заложник парней.
Россовином от Братско да Айваз.
О чем ты плави там, не на войне,
Как нас, живых, живые не забыли.
Мы будем, есть, и мы не только были
В разбуренной ностврой стороне.

Воевну Арфансий Истомин

Кто меня наставлял в сорок пятюи!
Век двадцатый на самом изломе...
У него госпитальной палаты
Воевну Арфансий Истомин.
Он танкой, нам неведомо было,
Переконным узник пленя.
Песня грубая нас уведила
На учебные первые сечи.
Мы музыка амосовская шюла.
Детства не было. Были сырты.
Воевну, похилой, невеселый,
Разбивая нас на взводы и роты.
Деревяные вкнуты приклады,
Шли арбаброй за своим командиром.
Никогда не носил он награды.
Не был нашим отцом и кумиром.
Зналы твердо: война на исходе —
И мечтели о танке в субботу.
Имени в учебном походе
Эту взрослоу, злую работу...
В нас победы, предмайской грозоу
Учаров, млоде, амосов.
Всегда немой думанской лоозю,
Наседва обожженный синицом,
Тот, кто, нас усвоя на учеия,
Думал: выжили, выпростали, дивну
На берлинские направленья.
Перед самым штурмом Берлина.
И, выходя, противю оставая,
Были мы, как и братья, солдаты...
Вот и музыка полковника
У она госпитальной палаты.

Тайга, в твой подранок,
Уже десятый год
Живу грешно и страшно,
Отвечаю динной мед.
Не сетуя на город,
Не ведаю беда.
И в январь и в марок
Я чу твои труды.
Зачеица мне едва ли —
То было данено! —
Ах, как мне безовално
Прости, айга, прости,
Ушла ты, растворилась,
Как не было тайги.
И только паде дымилась,
Шли по воде круги.

Жизнь случилась или не случилась!
 Ты об это людям расскази.
 То не лето в зареве вслушались,
 Отлетели сны и мираны.
 Сплелась струна мой мленность.
 Космос вертит древним колесом.
 Я на поле Куликовом вечность
 Успышал, к земле привая лицом.
 А за полем дедова сторожка,
 У скрещенья вековых дорог
 Сбирал в зеленое лукошко
 Зернышки, чтобы испечь пирог.
 Ты муча отдаленности поменя,
 Сызальства целебной димой...
 В год военных я оставил школу,
 Партию отцовский стал завод.
 И однажды в чете неохотима,
 Отгоняя мольбу дыма,
 Я увидел в облаке из дыма,
 Что теперь учей, непобедим.
 Надо мной клубилась логтарфия.
 Маяксива свет взходит в мои глаза,
 Жизнь случилась. Продождались

мифы,

Их еще Гагарин предсказал.

В конце столетия

В конце столетия хочется начала —
 Первооснова, жизни испокон,
 Чтобы Россия ранняя вставала
 С рублевских, черных, ацветших икон.
 В конце столетия чужий реставратор
 За жеманщика первого сойдет.
 Псковской лунчик... Коломенский оратай...
 Петровской ботик... Ушаковский флот...
 Но что-то в этом трогательном яжете
 Слышит современнички старик.
 Нам зная красное на Красной Пресне
 Дорожке тайны вымышляй веков!
 Вы слышите — то предостережение:
 Век будущий, и нас не обойди.
 Забвенье дней моих страшной забвенья,
 Что так томит романикам в груди.
 В конце столетия хочется предела,
 Чтобы save в себе не потерять,
 Чтоб нашу комбиньную заплата
 Над комбиньную молодежь мат!

И что за странный вздор —
 Весь груз привычных своих,
 Все прошлое свое
 Всегда нести с собой,
 Без ноши. И без слез.
 Без тягот. Налегит
 Сбегают я к тебе,
 Как под гору к реке.
 И вот уж до тебя
 Почти подать рукой.
 ...Пусть ясность навсегда
 Заменит нам покой.
 А край, где так светло
 И хорошо вдвоем,
 Ничем не оградишь,
 Никим не называю.

Не унылой же, голос вещей,
 Вшушай, усердству, говорю,
 Чтоб осветился путь, как воши
 Освецило лучом зари.

Без сна выматать тебе готова,
 Чтоб все распылать до конца,
 И березно ловлю я слово,
 Как диноватого птенца.

Пускай туманы, и небрежна,
 И сбивчива порою речь...
 Смогу любовно и прилежно
 Я смысл из нее извлечь.

И толк, когда б оно звучало.
 И среди ночи ним дня
 Вдруг стук конца и сть начала
 Откроется и для меня.

Ни лица, ни слупута,
 Каури в Лету этот сав,
 Воцарилось лето, лето,
 Коляшкие трав и крои,
 Похлякание и тишье
 Там и сам лесных костров.
 Ни надежды на продление
 Столь недавних былей, снов,
 Как живая и не спуделся!
 Ни в озелке, ни в гостях
 То, чем нынче мы владем,
 В завтра нам не унесит.

Белая ночь

И вновь, как все вояе назад,
 Белым-бело, пустыню, глухо,
 Ничто не останется взгляда,
 Ничто не потревожит слуха.
 Нигде тишеи не слышны следы,
 А только матовой и ровной,
 Невозмутимый льется свет
 С небес на этот мир огромный,
 Где не было еще никак
 Совсем — ни горюхи, ни плохи,
 Где только будет — вздох, и шаг,
 И облачно у губ от взвода.

Прояснилось. Развиднелось.
 Под ногою зрустнула лед.
 Жить нынче заготовился
 С долгой мыслью наперед.
 День прошел, и нет удела
 Горше, чем его забыть,
 Если сделанное дело
 Не имело смысла быть.
 Щедрость эта вековая
 Все еще до сорока,
 На погом и на пока
 Отложить дела, надюжди,
 И порука круговая,
 И спокоятие неведжи,
 Предоставившего богу
 Все, что нам еще решать...
 Развиднелось, и дышать
 Я могу, как в воскресенье,
 Припоясь спиною к стогу.
 Так продлись, мое мгновенье,
 Приведи меня к порогу
 Той светелки материнской,
 Где я не был так давно.
 Прояснилось. Развиднелось.
 Жить нынче заготовилось.
 Ветер дует исполнинский
 В запятое око.

Я живу во Внукове

Я живу во Внукове.
 Самолетное.
 Никогда мне не было так споконно.
 Неужели ужасом с взлетной
 Уткнуто раны,
 Боины,
 Войны!
 Я живу во Внукове.
 Не случайно
 Сохранилась лесополоса.
 И приходят лоси тайно
 Заглянуть в мои глаза.
 Я живу во Внукове.
 Травно. Знойно.
 Цельсий обещает чудеса.
 Никогда мне не было так споконно,
 Так делово, суарично, волоколяло,
 Так основно с пеночкою в лесах.

II

Неужели последний
 час
 И лоси и птицы!
 Дикий зверь в заповедник,
 Как в джунгли, стремится.
 Соль под морской осной,
 Под березою сено
 Век свободы лесной
 Истекает мгновению.

III

Береги берега, береженья.
 Лес во Внукове примет, изменит.
 Я живу, навсегда исцеленный,
 Для меня это утро забрелжит,
 Для меня золотое пушкосо.
 Для меня молодежь улитка...
 Я узнаю, как встану сторожко,
 Что в отеческом крае соряют.
 Я, наверное, поздно открыю,
 Без чего ни рожденья, ни тризны...
 Что поделять! Магнитной горою
 Был я занят для пользы Отчизны.

Кюхельбейер в Тобольске

С первым сияет теба,
 С белым небом,
 Облетает листва, облетает,
 Там со мною, наверно, бывает
 В медосбор, в ожидании хлеба,
 В ожидании судьбы поворота
 За порогом полой белотроля,
 И летит в золотые верота
 Белопенного полдня злонья.
 Отрешиться б тебе от сквозного,
 На тебя наведенного лото
 И развешившего самоловом
 Твоего неизменного Брута.
 Крутлоб и красна, как ревеню,
 Он свои расставляет тенища.
 Ты, лосесон, совономи, тепенон,
 У теба преособая мета:
 По глазам, незакатно открытым,
 По рукам, тесака не держащим,
 По часовые твоем деревятам,
 Что в чашебых татки и чаше.
 Снег да снег... Не от снега так бело
 Все лицо твою, руки и плечи.
 А вероденье у придела
 Все кричат своим грошавою реч:
 — Чем ты болени! Чего ты боишься!
 На-ка прынки, вареники, сыластана,
 Ночью хочешь — восьмо наследяства,
 Шабаш чиниче справляет Матрена.
 У веро мировые поминки,
 Муж вернулся с неближнего светел
 Вот такно-то, барни, картинки,
 Церковской милостиво наддай монету!
 Церкова чад подышала кадыльнич.
 Таяя снег на губах у прибуды,
 Обавляя, и тугой и обильный,
 Возле ризницы реалы покуда.
 Ты такого не ведал Тобольска.
 А таким-то бывал он и вечерно.
 Ах, служилый, ни харча, ни войска,
 Белый снег над раскрасиванной черньою.

Рисунки Михаила ПАПКОВА

Валерий АЛЕКСЕЕВ

РАССКАЗ

И Курил он осторожно, стараясь не попасть стружкой дыма на цветы, которыми деревья под мышкой. Под мышкой — не удобства ради, а так, чтобы выглядело грубоваго и чтобы было понятно, что человек пренебрегает и что цветы для него не ритуал какой-нибудь с приседанием на одно колено, а что-то дело белуго «Привет».

Их было три тюльпана всего — два красных, один черный, но все породастые, без изъянов, здоровые и крепкие, как огуры. Петров объездил полгорода прежде, чем его смогли удовлетворить. Вот почему при всем своем пренебрежении он все-таки старался не открывать их дымом: тюльпаны нравились ему самому. И было жаль Петрову, что вот такие драгоценные цветы, а придется дарить совершенно, по сути, незнакомому человеку. Фальшиво. Как пригластательный билет с пропуском для фамилии. «Уважаемая такая-то! Позвольте вам предпродать...»

Внешность у Петрова была не то что невзрачная, но довольно серая, и отеч себе в этом он отдавал. Фигура коренастая, лицо широкое, рабочее лицо поношенное пальто — на вид ему (Петрову, а не пальто) можно было дать и двадцать пять, и тридцать, и при дурном освещении сорок. Освещение было как раз дурное, и девушки, пробовавшие мимо, смотрели на Петрова не больше, чем на бетонные рога изюблина по обе стороны входа в метро. Компания, в которую шел Петров, была слабыешная подруги знакомой, с которой сам едва знаком, — все в точном соответствии с формулой.

Ни с того ни с сего подошла к нему Пискуненко, одиокурница, с которой он еле здоровался, и сказала по обыкновению вышнему:

— Не соглашайся ли синьор составить мне назвать компанию по случаю дня рождения в скрамкам. Даме моей лучшей подруги с тем, чтобы опосля сопроводить меня до метро?

На что Петров в том же ключе ответил:

— Я буду счастлива составить вам партию на вечер, ежели вы захватите лишнюю носовую платочек: свои я уже израсходовал.

Сам по себе от Петрова ни к чему не обязывал, это могло быть истолковано просто как глупая шутка, но Пискуненко сочла за лучшее понять по-своему: הגסוהг утром в середине лекции ему вдруг передали из передних рядов конвертик, в который вместе с крошечной носовой платочкой вложена была карточка с адресом и примской, что, мол, придется ему добираться одному, так как она, Пискуненко, на правах лучшей подруги придет часа на два раньше и будет помогать по хозяйству. Так и осталось у Петрова ощущение, что приглашение досталось ему из вторых рук. Кто-то отказался — позавил его.

Сам Пискуненко была нехороша. То есть она нехороша. Даже для такого заурядка, как Петров. В ней было что-то куринное и лошадиное одновременно. Петрову она даже синялась, настолько она была нехороша.

И потом это имело одеваться. Пискуненко обожала юбки, коланы, чтобы все на ней развезалось, но при ев крупной фигуре это выглядело смешно. Тюльпаны нынче не дешево, особенно черные в цене, и из наличных ресурсов остались у Петрова только деньги на повышленную стипендию, виды довольно серьезные, но в общепринятых условиях под них немного займешь. Очередной перевод из Ора поступил в начале прошлого месяца и был сопровождается припиской «Последнее», что, как бы то ни было, звучало намного веселее, чем предыдущая «в последний раз». Петров не любил транжирить, скорее он был даже прижимист, и если уж решил на такую личную тратьбу основываясь только на достаточном определении.

Фактически оснований имелось несколько, точнее — три. Первое — свойства морально-психологические. Все лето Петров провёл с одноклассниками, путешествуя по реке Медведице на плиту. Собралась неплохая, умеренно людо-

вая компания, сугубо причем мужская, и поначалу раскоды казались мизерными: большой расчет был на грубую силу (погнурки-разгнурки и сиоиско). Но с сиоиском приближенные жители справлялись и сами, инструментом доверлиа весьма нехороша, а что касается погнурки-разгнурки, то на пристанях отличивалось и так довольно много людей. Все шло, конечно, малорно и ависо, все было густо переплетено анекдотами, но вот когда пришла пора обидывать бабки, Петров с раздражением обнаружил, что много дешевле обошлась бы поездка самолетом на юг.

Плот то и дело развлекалась, речички гнали его с фарватера, на пристанях стояла милиция и недоевечно разглядывала подмошние паспорта. Вдобавок мужская дружба подмошка, малор то подмок, и в середине августа Петров обнаружил себе торговцушным мороженным на Комсомольской площади в Москве.

Отец грозил санкциями, с сентября чувствительно урезал переводы, но все это можно было пережить, если бы не странные дела в паспике: Петрову до смерти приелось мужские компании, перекусы и анекдоты, ему захотелось матерого, перобитного домашнего уюта с печеньками-соленькими, с чистыми тарелками на чистой скатерти и чтобы родители мировобиво ворчали на детей.

Второе основание было интимным. Прошедшей весной Петров пережил личную травму. Собственно, и на Медведицу-то он уезжал забить, но получилось не очень, тянуло к телефону, тянуло до сих пор, хотя уж времени прошло дай бог. Надо было как-то переосмыслить, кому-то пододать черту. И в этом смысле Пискуненко тоже подвинулась вперед: кто знает, может быть, это и была черта. Не Пискуненко, нет — возможность, пусть мизерная, вырваться из привычного круга знакомств.

И с этим связано было третья, самая существенное основание — социальное уже порядка. Петров довольно туго сходился с людьми. Он не был невзрачным, застенчивым его не мучила, застенчивость — это от преувеличенного представления о собственной ценности, а собственную ценность Петрову давно уже помогли определить. Но круг общения его был строго ограничен.

Тут Пискуненко, не сама по себе, а со своим кругом, тоже явилась как нельзя более кстати: рядом с ней Петров был уже кем-то, одиокурником, а не просто товарищем из Ора. Пока об электронной машине еще не договорились, надо было использовать этот шанс. Конечно, в случайных компаниях знакомится один плесне. Люди достойные ходят для этого в научные залы библиотек. Совпали темы диссертаций — порядок, не совпали — прошу простить.

Петров, усмехаясь, аккуратно затопил окурки, усмехаясь, отнес его в урну, вернулся на прежнее место — и все усмехаясь, помячая головой. Мол, выстали из себя бовниана, угрожа на авось, и главное — перед кем! Перед самим собой. Уж тут-то можно было бы не заноситься. Всего-то у Петрова за двадцать пять его лет была лишь одна девочка, была по-настоящему, как девочка, так и понимая, и то наконец сказала: «Иди-ка ты, Петров, себе потухоньку». Сказала — и все, ничего не объяснила, никакого подтекста не вкладывала, «ступай себе» — и Петров пошел. Это правда, это долго еще, лет десять будет светить. Но Петров толстокож, внешне на нем не выступило. Только тот поблывалый стал немного, раньше был уж очень румяный. Думать стал больше. Что он говорит, а жизнь обогатит.

Как всегда, стоило только напомнить себе, — потенцило звонить. Сразу руки вспотели, двухполочная монетка сама нащупалась в кармане: у Петрова они не переводились телерь. Поблорлся с собой, потерзал себя, для приличия больше, — и под мышкой бугет — зашел к автомату. Поблорал даже под кофеем, борьона себе под нос: «эк черту, к черту!» Петров не понимал, зачем он это делал: вдруг сыгнался с места, бежал и звонил, повторяя все время «к черту». Голоса был всякие: малочник, папочник, младший брат никогда подходил, свернословава ужасно, незнакомые люди какие-то удивлялись:

Рисунок Валерия КАРСЕВА

ПЕРВООТОВ

«Алло, перезвоните, ничего не слышно, ало! Сама она взяла трубку только один раз. Взяла — и сразу узнала. Значит, помнила Петрова, не такая уж насыщенная была у нее после Петрова жизнь».

— И долго это будет продолжаться?
— Он явно улыбнулся, хотел было выводить из себя какое-нибудь слово, но только крепче прижал трубку к уху. Лицо его заблестело, как всегда в минуту волнения.

— Послушай, Петров. Ведь я с тобой не выдержу. Я выйду за тебя замуж, и это будет хуже смерти.

Петров поднял руку и с силой ударил по рычагу. Голос не пропал. Напротив, он стал тише и громче.

— Ты договорился, Петров. Ты попадаешь в момент, когда мне будет все равно, и я выйду за тебя замуж, честное слово. Стоит ли так крупно рисковать, Петров?

2

Дверь ему открыла Пискуненко. Сказать, что радость озарила ее восту-чающее лицо, было бы некоторым преувеличением. Скорее она даже смутилась: не отступила на шаг, но отступилась, издав не то громкий вздох, не то тихий вскрик, и водовато отступилась направо-налево.

— Ну, что! — сказала она наконец вполголоса. И промолв все-таки!
— Да, вот! — неопределенно улыбнулся Петров. Он еще не знал, как себя вести.

— Ой, господи! — спохватилась Пискуненко. — Да что же это я через дверь... Загоди!

Петров оказался в тесной прихожей, вешалка на стене была почти пуста. — Что, отменяется? — спросил Петров.

Пискуненко ему не ответила. Отходя от двери и обхватив руками голые плечи, она как будто делала козырьчик, полюбозвись собой на расстоянии.

В своем великопие Пискуненко была ужасна. На ней было узкое платье наподобие зеленого чешуйками, — такие ритуальные одежды носят певцы провинциальных эстрад. На левом плече громоурилась брошь зеленого стекла, к ушам были прищеплены жемчужки из грозди тех же чешуек, прическа в виде пышной плетени явно подвигалась своим размерам маленькое ребячье-кокое лицо.

— Что смотришь! — невежественно строго спросила Пискуненко, крепко вцепившись пальцами в свои узкие плечи. Руки ее, голые до локтя, покрылись крупными мурашками. «Волнуется», — подумал Петров, и ему стало жалко Пискуненко.

— Ты похожа на Ифигению, — сказал он, положив букет на тумбочку и снимая пальто. — На Ифигению в Афинах.

— Это хорошо или плохо? — все так же сухо спросила Пискуненко. Чуть-чуть по-видимому, понимала, что к ее наряду пойдет высокомерие и неприступность, но получасовая пока по-учительски сухо.

— Ну, как тебе сказать? — Петров достал из кармана пальто кусочек коричневого фетра и нагнулся прощипать ботинки. Было бы слишком долго объяснять, что в древние времена примерно так убрали девушек, предназначенных в жертву богам, и выглядели эти девушки примерно так же торжественно и несчастно.

Пока он возился с ботинками, Пискуненко справилась с собой и немного расслабилась.

— Однако вы заставляете себя ждать.

— За эти спасительным тоном Пискуненко пряталась так же, как другие пряталась за дымок сигарет или за темноту очкашек.

— Мой «мерседес», — ответил Петров, крадя над ботинками и не разгибаясь (невынужденно обуть его раздранка!), — мой «мерседес» застрял в подворотне: мешали мусорные ящики. Пришлось втискивать его боком.

— О, это ужасно. Надеюсь, ваш смюкинг не пострадал.

— Будьте покойны, я работал, раздвинул до пола.

Ведь такой разговор, Петров прицелился перед зеркалом свои мокрые редкие волосы, вытер платком лоснящиеся лоб.

— Ну, неси сюда новорожденную, — сказал он наконец, взяв в руки цветы.

Пискуненко удивилась.

— Какую новорожденную?

«Вот это номер», — подумал Петров, поглядев сперва на цветы, потом на себя в зеркало.

— Ну, жид, ну, кудах орловский! — развеселился Пискуненко. — Убытки подсчитываешь?

Звеза чешуйками, она приблизилась к Петрову (Петров был на головах выше нее, если не считать прически) и зашептала ему на ухо, осыпая на дверь.

— Ленку у моей — ну, подруга моя, ну, к которой ты в гости пришел, вообще-то дочка она мировая, открытая душа, прямая, немного властная, всех пробует к рукам приборать и тебя будешь пробовать, но ты держись до последнего, на меня хоть немного внимания обращай... так вот, у Лениной мой.

— День рождения, — нетерпеливо подкасал Петров.

— Да никакой не день рождения, два мальчика у нее, я хотела сказать...

— Деть, что ли?

— Какие дети! — Пискуненко удивилась и, сообразив, тут же захохотала. — Два мальчика — в смысле два молодых человека, два узакмер... ну, как тебе это на твой диалект перевести?

— Два матана.

— Так вот, один матана не ревинный, тот, за кого она замуж собирается, совсем не ревинный, стойкий такой, великий, зато другой, его друг, которого Ленку ревнует, ты при нем на нее не смотри, а то он стол опрострунет, может, такой человек. Но за него она замуж не собирается. Так вот, как раз день рождения у него. Справедливо ему негде, вот у Лениной и собрались. Поэтому с твоими своими своими ты лучше туда не суйся, выбрось в ведро. Выбрось, если хочешь, я не обижусь.

— Да мет, я уж тебе отдам, — великодушно сказал Петров. — Ты объясни мне поточнее, какие на меня ложатся обязанности. Один матана ревнует, за другого она замуж собирается, ты лучше подруга, а я кто?

— А ты со мной приходи, салат мне будешь накладывать.

— Годишь. Кто там еще за столом?

— Да больше, считай, никого. Ленины родители. Очень хорошие люди. Вообще я тебя в хороший дом привела, ты постарайся быть повеселее, много не пей и не чинь выношенные обиды, даже если тебе и хочется.

— Мне это твой второй матана заране что-то не нравится, — именно сказал Петров. — Он что, ко всем, значит, ревнует, а к другу своему нет?

Пискуненко покраснела.

— Ты выходишь, Гитлер! — сказала она сердито. — Ты не суди о людях, которых я глаза не видела. Нечего тут! Он исключительный человек. Исключительный, понял?

— Понял, — ответил Петров. — Ну, что я. Человек надежный: с кем пришел, с тем и уйдя. Салатами ты тоже будешь обеспечена. Если они еще есть.

3
Хорошие люди — хорошие людьми, на «Свадебный марш» Мендельсона, когда Пискуненко и Петров вошли, — это была жесткая шутка. За фортепьяно сидел белобрысый принарядный худенький мальчик в черной обшуканке с закатанными рукавами. Играл он бравурно, с вынытками и росячком, лицо его было повернуто в сторону вошедших и улыбалось. Пискуненко залилась краской до плеч, а Петров стиснул челюсти и сказал про себя: «Ну, погодите».

— Илья Ильич — Петров, Анна Артемьевна — Петров, Алик — Петров, Виталик — Петров. — Петров — Елена.

— Не лена, заметь, и не Леночка какая-нибудь, а Елена. Это претензия, и не только красности ради, но и продуманно в перспективе. Пока, мой Елена, а там, когда будет Заслуженный Буль Леночка, — будет Леночка — стану Леночкой. А то, ишь ты, какой явился, сразу ему Лену подавай!

— Что вы все «Петров» да «Петров»! — мягко сказала Анна Артемьевна, культурная такая женщина, если седа, милонидная лицом и с улыбой очень приятной, — да не тебе, — стемляющая, смеясь, жена. Алик в Виталик подсаживали дружно, подбадривая друг друга взглядами: «Во дет старик!» Пискуненко конфузливо зникала, побираясь к своему месту. Елена, правда, только улыбалась, покачивая головой, но ей, видно, было забавно: паночка — и вдару Илюша. Так под общий смех присутствующих деловито и с естественным ему стулом рядом с переживавшей своей своей чешуйки Пискуненко.

Лица были пока еще расплывающиеся, особенно лицо Елены, на которую Петров, впрочем, и не старался смотреть (успевая), самое время было бы оинуть взглядом стол и окрестности, а заодно, между делом как бы, поглядывая в глаза безобразнику, по ролям, и в большой компании это удалось бы сделать, но здесь как раз самого Петрова разглядывали, здесь Петров один был не в виду. И какому-то необязательность свою он ощутил сразу: хоть и ждала его ступ и прибор оставили, но погрешности в его приходе не было, вступать, поприветствовать и уйти. Это можно было без комбинировать записать в пассив Пискуненко: что-то яли инпутала она, или не учла. Но Петров уже привык отжужжать себя от того, как его принимали: т р а в а у многому его научила. И, переждав смеж и взгляды, Петров ответил Илье Ильичу так:

— При знакомстве смежй называет себя так, как ему нужно, чтобы его называли.

Получилось не очень складно, но довольно толково. Правда, слово «знакомств» сразу вызвало провинциализ, но об этом Петров, разумеется, и не подозревал.

— Объясните тогда,— все еще улыбаясь и ожидая шутки, сказал Илья Ильич,— почему вам нужно, чтобы вас называли Петровым.

— И один из двух. Можете потратить на выговор, — ответил Петров,— никому не навязываюсь, и Петров как Петров, что надо: легко запоминается и не обременяет ни к чему.

За столом стало тихо, Пискуенко заварала и заварела от конфуза чашечками. Собственно, Петров и собирается так отвлечься, но отлучение — суровая вещь, оно диктует свои законы. В полной тишине Петров сдвинул себя вынужденно, подложил на вылку дольку селедки и положил ее наизготове, ожидая, когда же настает.

— Ну, что вы,— став серьезные, сказал Илья Ильич и поднял стопку,— выпьем в таком случае за незваных людей.

То ли Алик, то ли Виталик, в общем, кто-то из них хмыкнул, и, воспользовавшись случаем, Петров поднял глаза на Елену. Красота — это питание, сказал кто-то знающий, от чего Петров мог бы добавить, что не только питание, но здесь было Лазарь, Крутогор, и еще несколько имен, но Петров не стал называть, а Елене — от здоровья, никакой особой проницательности Петров в них не заметил, впрочем, он и смотрел-то всего несколько секунд. Когда он взглянул на свою комнату, она была полна.

— Минутка,— сказал Петров хозяину,— момент, я издольная, но кто-то из присутствующих сегодня родился, я обязан выпить первую персонально за него.

— Почему же только вы? — укоризненно сказала Анна Артемьевна.— Мы все вместе с удовольствием выпьем за Виталика еще раз.

— Не забудьте, — добавил Петров, — что Виталик не только человек, но и вертепный стульчик вполборота к столу. При этом он бросил быстрый взгляд на Петрова, но ответил, как подобает, Петров ему не успел.

— Нет уж, Анна Артемьевна,— улыбаясь, сказал хозяин,— пусть товарищ Петров вы не возражаете, если я буду называть вас «товарищ Петроав». Прощайте, Петров!

— Гражданин Петров,— буркнул Виталик.

Петров принял это с суждением и зазлал за ножку рюмки.

— Пусть товарищ Петров выпьет свою автономную, а потом уж присядет и к нам.

Это был цирк. Петров встал (никто не ожидал, что он встанет, но он встал), Виталик замешкался, но его толкнули локтем в бок, и он тоже поднялся с рюмкой в руках. Так они стояли некоторое время, Петров выжидал, он был уже за стеной отчуждения, а Виталик явно растерялся. Потом Петров отключился и пропал.

— Люди, которые умеют дружить, умеют жить жизнью друга, радоваться его радостям, забывая о своих,— таких людей мало. И я всегда, как встречаю таких людей, рад за них выпить. Но, к сожалению, на земле существует не так много людей, мало таких людей — я пью за самых чужих их существования, за идею.

— Ого! — сказал Алик, но опять-таки Петров не успел его разглядеть. Он выпил залпом, мужественно вздрогнул, сел и энергично закусил селедкой. Виталик все еще стоял, он не успел оправдаться, впрочем, красна голова склонила с его лица. Наконец он справился с собой и звонким голосом сказал:

— Увы, я еще очень далеко от той совершенства, о котором говорил гражданин Петров. Но глубоко убежден, что бы ни случилось, я буду за это выпить. Ибо для человека дружба — это наша вещь — животное. Пусть только он пьет за них все с такой же охотой, с какой только что выпил за себя.

Все засмеялись, захлопали, Петров смеялся от души, не переставая, одинично, но быстрое, как ветер, что, наверно, и так было бы безобразным. Но Виталику нужны были еще и другие эффекты. Переждав оживление, он продолжил:

— Да что там на земле! Здесь, у нас, в этой комнате, я, не колеблясь, укажу нескольких, за кого гражданин Петров может пить, не стесняясь, разве это не пример беззаветной дружбы, верности, самопожертвования, теплоты!

— Ну-ну,— прогудел хозяин, явно тронутый, а хозяйка вздохнула и прошептала. Петров посмотрел на Елену — ей тоже слезы набегали на глаза.

А человек, — это был Алик, — продолжал Виталик.

— Он моего молчане, но я могу смело поставить его в один ряд с Аленкой и Илюшкой,— прористе, с Ильей Ильичом и Анной Артемьевной. И доказательство тому — приз, главный приз его жизни, который он держит в своих руках.

Петрову понравился Алик: темноволосый, смуглый, с немного выпяченными губами, он был похож на цыгана. Впрочем, и в деревнях Орловской области Петров видел много похожих лиц. Алик спокойно слушал комментарии в свой адрес и нетерпеливо ел бутерброд с черной икрой. Лишь в самых патристических местах он поднимал левую бровь, и с некоторым недоумением прислушивался к тому, что выдалось ртом, он не обращал пока ни малейшего внимания. Она же смотрела на Виталика чуть ли не с обожанием.

— Вот подлость! — подумал Петров о безобразном.

— Пусть этот приз достается не мне,— разглагольствовал Виталик,— о чем я бы и не сомневался, хотя, наверно, и так, зная, что это есть своя справедливость, но в сожалении моему будет нутко злорадства.— Виталик сделал паузу, все окончательно пришло, бутылка в руках хозяина, разливавшего вино, замерла на весу.— Кто знает, быть может, я выиграю больше, чем он. Я выиграю дружбу нашей Леночки. И это все, что мне и нужно.

Ха-ха! — довольно хохотнула Илья Ильич, а Елена с деланным возмущением сказала:

— Ну, знаешь ли...

— Ха-ха! — повторил хозяин.— Однако же Алик молчит. Что-то скажете, Алик, чем выиграл?

— Простите, я еще не кончила,— с горчачеством сказала Виталик.— Я утверждаю перед всем миром: мой выигрыш больше, ибо прекращение дружбы в мире нет ничего. И чтобы вы не думали, что горечь потерявшего парнишку не заставляет меня гордиться, я хочу за Алика и Леночку, за их любовь!

— Ну, что вы, — сказала Еленка, — вы же любите Алика и Леночку, как и любой из ребят, Виталик сел. Петров большим пальцем показал ему: «Молодец!» Петров не был щипником, но все происходящее воспринял крайне скептически: по его понятию, это была вещь либо, либо детский сад. Правду нельзя сказать красиво, в этом Петров был убежден.

Впрочем, сейчас его заинтересовало поведение Елены. Алик спокойно доел бутерброд, посмотрел на Елену, усмехнулся и пожал плечами. Значение было примерно тако: «Что с него возмозжет!» Потом он повернулся к Виталику, протянул ему руку, которую тот горчо пожал, и сказал негромко:

— Как назывался этот интерес Петрову, и он совсем было забыл о существовании Пискуенко, но вдруг услышал с ее стороны шепот чужеземный и слабый акцент. Он быстро повернулся: давось, образованные люди, но почему-то не слышал. Велел ему набраться на остром подбородке, как бородкава, пригнемлась земляная горошина. «Куда меня полая!» — тоскливо подумал Петров, достал платок и, свернув его чистой стороной наружу, вытер Пискуенко подбородок. Не поднимая головы, она жалко ему улыбнулась.

— Ну что, и мне так — выключить, так же, как выключили к ней, шепотом спросил Петров. И тут задался. Ему пришлось в голову, что о Пискуенко-то никто не сказал. Да что там не сказал, никому дано в голову не пришло прийти ее в качестве примера. Для детского сада это было несколько странно.

— Тут пошли всякие забавы, связанные с «горчицей» — раскладывая, передавая, выкручивая курных составов,— и временно Петров эту тему для размышлений закрыл. Тем более что он не умел есть курицу, точнее, не знал, как ее едят ЭДСБ. Надо было понаблюдать, приприноровить, дело было тонким, прелестным, и сколько там Петров ни отлучался, пришлось бросить на курицу все интеллект.

Петров явился с твердым намерением наладить «беседу с интересным человеком», в которой «интересным» должен был быть, разумеется, он сам. Занявшись жареными курными, он начал говорить о курных, и в конце концов записал доклады, его хвалили бы даже на беседе с «восседоленными», но здесь был Илья Ильич, большой человек, он мог это дело сорвать. Сомнительно также, чтобы Пискуенко позволила ему выдать себя за «восседоленного». Поэтому, как и в случае с курными, в «интересном» Петров услышал поудобнее и притворился бы начать: «А кстати, известно ли вам, что разбегание вселенной...»

Однако с первых же слов Илья Ильича Петров понял, что попал в «вечер-собрание», по крайней мере в торжественной части.

— Я гостеприимен,— сказал Илья Ильич, вытира промашившей салфеткой глаза.— Я гостеприимен, ко мне можно являться запросто. Один раз появился у меня в доме — и считай, что получил позитивный пригласительный билет. В первую очередь это я вам говорю, товарищ Петров. Неодесно, что придет время, и вы раскроете нам тайну вашего имени.

Петров как раз обслуживал Пискуенко — на этот раз почечной колбасой. Пискуенко кушала мало, как птичка, ее порция «горячего» оставалась почти нетронутой, и Петров глядящая на эту порцию очень внимательно, но у него было много, много и чего назла.

— Но это если без задних мыслей. Если же вы пришли к нам с задними мыслями, то не надо нам вашего имени и фамилии не надо. Не надо нам тогда от вас ничего. До свидания — и дорогу забудьте.

Стало так тихо, что Петров перестал слушать своей курицей и задумался. Что-то не похоже это было на обычную родительскую воркотню. Дети слушали почитительно, истово — так им, кстати, и полагалось. Одна Пискуенко нервничала: она то напрягалась все, как струна, то превращалась в кошот и по-быстрому заземляла на кутину, но Алик Артемьев, и не смотря на это, сидел спокойно, и в конце концов сказал Илья Ильичу, что все здесь соображались — искрение друзей моей дочери, желающие ей только добра.

Она же сказала, что не стеснялась, показала бы ему на дворе: Елена — это человек, на котором я лично поверила мое отношение к людям. К Елене нельзя относиться пренебрежительно, потому что она — человек.

— Пана! — Елена возмущенно трянула шелковистую, тщательно промытой челкой.

— Молчок! — одурела ее Илья Ильич и побтраврал.

— Пана! — начал, как это, повторила Анна Артемьевна.— Отец все правду говорил.

— Кто к ней должно относиться,— несколько успокоясь, продолжал хозяин,— тот сам двуличный человек. Потому что — я не в первый раз это говорю, но товарищ Петров — выиграл новый, ему будет полезно послушать...

— Коченюк — подумал Петров.

— ...потому что мы с Анной Артемьевной воспитали светлого человека, человека идеально, который в большей мере принадлежит будущему, а не сегодняшнему дню.

— Пана, ты уверена,— порозовела, сказала Елена.— Он говорит, что думает.

— Вот Алик со мной согласен! — подхватил Илья Ильич.— Я уважаю Алика за прямоту, за откровенность. Еще больше я уважаю свою дочь, то, что она имела право верного друга. Не все же мне нравятся в их отношениях, не все, многого я не понимаю, но признаю за этой формой правды существование, и то, что Алик и Виталик — друзья, для меня есть математическое доказательство, что Виталик и для Елены друг. Я знаю, у них есть определенная симпатия, и я не отрицаю, что в период работы они были близки, и я верю: светлое и разумное в их дружбе одержит верх. Так выпьем за светлое и разумное!

— Хороший тост,— одобрил Петров. Все посмотрели на него с таким изумлением, как если бы тост был одобрен цветочным горшком. Петров сидел за это — выключился, он чувствовал, что вот эта разглагольственная работа проводится «среди него», но смысла, цели никак не мог уловить. Не собираясь же старик выдать за свою свою дочку. Все понимали смысл

пронскающего, и Пискуненко, видимо, тоже понимала, один Петров сидел среди них, как пеня.

Однако вышли.

— Но, как и во всяком явлении, — не давая передышки другим и сам не запуская, продолжал сказать, — здесь есть и своя оборотная сторона. Где сейчас есть темная, где истинная — есть и фальшь. — Пискуненко снова оцелена, Петров оставил в сторону свою тарелку и слушал, уже не отвлекаясь: старик, кажется, подошел к кульминации. — Елена дочерница, это я сделал ее такой, сделала сознательно, ибо сам по природе своей склонен верить в истинность. Но эта доверчивость может и принести ей вред. Занастую Елена склонна переносить некоторые декларации о дружбе, не подтвержденные конкретными делами.

— Мальчики вообще более искренни, — сказала Анна Артемьевна, кушая. — При чем тут мальчики или девочки? — разгневался Илья Ильич. — Дело в строении души. Души бывают несветлые, непрозрачные; темноватые, вот у Аликса светлая душа, у Виталика — светлая душа, а Елене и говорить не приходится...

— У кого же темная, не у тебя ли? — сказала Петров у Аликса Пискуненко. Он не поднял глаза, даже не пошевелился. Шеки ее были в красных пятнах.

— Вы кто-нибудь не поняли, молодой человек? — спросил Илья Ильич. — Вы просите разъяснений у Люди? Я вас не знаю еще, искренне хочу подружиться, но самый факт для меня очевиден: вы тоже небрежно подбываете друзей.

Люда посмотрела на Петрова пристально: ну, потерпи, Петров и так терпел всю свою мочу. Добавок за столом никто не курил, он несколько раз уже демонстративно доставал сигареты, но хозяйка этого демонстративно не позволяла.

— Сколько вам лет, молодой человек? — не унимался Илья Ильич.

— Девню вы с Людой знакомый?

Пискуненко громко шмыгнула носом.

— Да года два уже, а что? — протестующо ответил Петров.

— Два года темной дружбы делают людей похожими, — многозначительно сказала Илья Ильич. — А на какой основе вы сблизились?

— Слушая, что за еду, пойдём отсюда, — сказал Петров на ухо Люде. Она была готова. Ну, тогда я уеду.

Пискуненко молчала.

— Больше двух — говорят вслух, — с улыбкой сказала Анна Артемьевна. — У них много быт свои от нас тайны, это понятно. — Илья Ильич поднимал — вот у нас друг от друга нет тайн. Ну, отдайте, дети, веселится, а мы, старики, пойдём на покой.

Илья Ильич поцеловал в щеку всех, кроме Люды и, конечно, Петрова. — Простите меня, — сказал он, походя к Пискуненко, — если я был излишне прям. Прямота — это тоже проявление доброжелательного интереса. Если бы был безразличен, я бы вам один хорошие слова.

— Я понимаю, — пролепетала Пискуненко, вставая.

— Ну, слава богу. Я все-таки верю в вас, верю, точнее, в то, что светлый пример моей дочери (Панно!) обострил вашу душу. Я верю в ее влияние — оно меня даже больше беспокоит, чем сплетенки.

— Спасибо, — сказала Люда.

— А что до вас, молодой человек, — обратился хозяин к Петрову, — то я надеюсь, что все услышанное в этом доме заставит вас кое о чем задуматься. «Это уж точно», — подумал Петров и поклонился.

4

Некоторое время молодежь сидела молча, пережидая неловкость. Потом Петров закурил, Пискуненко встала и принялась поспешно собирать посуду. Глядя, как она хлопочет, Петров рздумал уходить. В конце концов на сегодня это была его д-н и он обман был опекать его и защищать.

— Да посиди ты споконно! — сказала ей Елена. — Как будто не успевай прибраться.

— Они хотят показать, что понимают по хозяйству, — ядисто сказала Виталик. — Что за болезненная страсть к порядку. Это от скудного ума.

— Это как же понимать! — выдернула Петрова. — Значит, интеллектуалы непременно должны жить посредственно?

— При чем тут беспорядок? — поморщилась Елена. — Виталик прав: человек не может быть порядком, работавшей, вообще работав чем-то быт не было. Вещи должны лежать как попало и сами знают свое место.

— Индивидуальность, — вставил Аликс, — начинается там, где кончается порядок.

— Индивидуальность начинается там, где кончается формализм, — ответил ему Петров. — Мне даже так, лишь бы коротко сказано было.

— Коротко, но не ясно, — проговорил Виталик.

— Виталик, прекрати, — строго сказала Елена. — А вы, Петров, не укрывайтесь, пожалуйста. Это мильный уютный беспорядок, домашний интим.

— Это там, где кончатся уже прибраны, — растолковал Петров. — Мамой, например. Или любимым мужем.

Елена пригнула лобом, засмеялась.

— Я, наверное, буду сложной женщиной, — сказала она. — Но мой муж должен привыкаться ко мне: я умею создавать беспорядок везде, где только позволяется.

— Это до поры, — ответил Петров.

Пискуненко вышла со стопкой грязных тарелок, вернулась, поставила перед Петровым блюдце — все молча. Петров аккуратно ссыпал на блюдце песок и отступил ладонью.

— Вы, Петров, очень раздражены, — сказала вдруг Елена, давая понять, что диспут окончен. — Это отец вас утомил. Сегодня он был в особом ударе.

— Да я уже заматываю, — ответил Петров.

Послеви, помолчав, потосовалась с ним с. Аликс и то деловито порочивался на своем вращающемся стульчике к фортепиано и брал левые аккорды. Видно было, что он гордится своим умением, брать аккорды, и у него это в самом деле получалось. Петров не силен был в музыке, когда-то он пробовал играть на баяне, но потерял энтузиазм, и с тех пор звуки музыки, пусть это были самые дорогие звуки, вызывали у него острую тоску. Особенно удавалось Виталику соразмерять тональность своих аккордов с тональностью только что законченной фразы. Впрочем, Петров редко вставлял слово, говорили больше жених и невеста, а Виталик им подыгрывал, и чувствовалось, что для них трюк это обычная форма.

— Да перестань ты наконец зевать чайками! — сказал вдруг Виталик Пискуненко, которая собралась подовать чай, и с силой захлопнул крышку фортепиано.

— И правда, Люся, что ты все суетишься? — мягко сказала Елена. — Сядь, попей, ничего все равно не чаю не хочет.

Пискуненко послушно села рядом с Петровым. Разговор сразу оборвался. Аликс встал, сунил руку в карманы брюк и отошел к кухне.

— Виталик! — помолчал немного, робко сказала Пискуненко.

— У тебя бег? — резко обвинил он.

— Скажи, пожалуйста, что-нибудь минорное, — попросила Пискуненко и потупилась.

— Минорное! — переспросил Виталик саркастично. — Ах, минорное! Рядом бога.

Он ждала кришку и, с силой ударив по клавишам, замгнул. При первых же звуках Алик обернулся, Елена забеспокоилась. Петров прислушался повнимательнее, но ничего криминального не заметил: Виталик играл быстро, но уныло лесу, в которой без конца повторялись и вариировались одни и те же аккорды. Пискуненко посидела, послушала, потом шепотом сказала «спасибо», встала и вышла из комнаты.

— Ну, ты, пожалуй, чересчур, — осуждительно сказала Аликс. — К чему так обострять!

— Да нечего тут обострять! — вспыхнул Виталик. — Все и так обострено до предела! Я не могу, финансира не могу ее переносить. Меня душит атмосфера фальши, которую она с собой приносит! Когда она входит, мне хочется пласть, понимаю!

— Виталик, прекрати! — строго сказала Елена. — Ты забываешься. Люда — моя младшая подруга, и я скорее сорвусь с тобой, чем с нею, понял!

— А что он такое играл! — протестующо спросил Петров.

— Хромотический этюд, — ответил с легким поклоном Виталик.

— Как ты думаешь, Алик, она догадалась? — спросила Елена.

— Вряд ли, — пожал плечами Алик. — Разве что по тебе. Ты же не умеешь упрямиться как собака!

— Обязательно нукино обо мне сказать гадость, — холодно бросила Елена.

— Дети, дети! — просице сложил руки, проговорил Виталик. — Перестаньте спориться! Все хорошо, здесь все свои. Гражданин Петров не считается. Он погружен в раздумья.

Петров не моргнул и глазом. Он аккуратно раздвинул на блюдце окурки, достал Лискин платок, повертел его в руках, готовясь высморкаться.

— И в самом деле, Петров! — сказала Елена. — О чем вы все время думаете? Вам скучно с нами!

— Вы сами не моргнули и глазом. — Ни разу в жизни я вас не развлекал. Имею один вопрос: что бы вы делали без Люски?

— В каком смысле? — осторожно спросил Алик.

— Он имеет в виду: что бы нам накрывал на стол? — пояснил Виталик. — Гражданин Петров до сих пор неясно, что все эти хлопоты — исключительно ради него.

— Да не об этом я, — невозмутимо отвечал Петров. — На кухню можно и тебя отвести. А вот кто бы вы третиравали, непонятно.

— Скажите, он еще и такие слова знает! — усмеянулся Виталик. — Третирировать!

— Виталик, не задирайся! — оборвала его Елена. — А вы, Петров, отнеситесь к нему снисходительно. Вы старше, кажется, вам это больше к лицу. Помните, он и вам просто ревнует. В какой-то степени вы пятый сынчик, это можно сказать. А чужие дети, Люда, то в этом доме ее все любят и никто ее в обиду не даст. Конечно, у нее есть известные недостатки...

— В этом-то все и дело, — остановил ее Петров. — У нее есть недостатки, а у вас их нет. Она чиста, разная, а вы все люди светлой души.

Приятно, знаете, разговаривать на диване, журились по-прежнему каждый раз. Виталик задумал, нивать на него о господи, какая фальшь, какой дурной вкус, какое ужесточение. Да вам же ведь и говорить-то было бы не о чем.

В наступившей тишине Петров звучно и со значением высморкался, а после долго сверкал своей палочкой, прежде чем сунуть в трубку. Он все сказал, что хотел, оставалось только распрощаться с унылым Люским.

— Скажите, Петров, — после паузы проговорила Елена, — почему вы такой озлобленный? Я, я понимаю, мои родители вам не понравились — вполне, они и не ставили цели обязательно вам понравиться, — Виталик тоже прикинул, как бы ответить на этот, а что вам сделала?

— Да что бы то, что не встали и не вышли, — нетерпеливо ответил Петров, — когда вас в лицо назвали человеком будущего.

— А что, при этом полагается выходить из помещений? — насмешливо спросил Алик.

— Не забывайтесь, — перебила Елена, не поддерживая его шуток, — что это был все-таки мой отец и я захожу у себя дома. Обижено флиртовать быт бы совсем уж несерьезно. Я думаю так, Петров: что вы защищете вашу свободу — это, конечно, благородно. Хотя она в защите не нуждается. Но дело не в ней. Дело в том, что вы просто завидуете. Вам очень не понравилась линоуэни, что при вашем характере и не удивительно, и вы завидуете нашей дружбе, нашей любви.

— Нельзя завидовать тому, чего нет, — сказал Петров и поднялся. — Ну, засиделся я у вас, пора и мне идти.

— Нет, подождите! — горнично сказала Елена. — После того, что вы нам наговорили, уйти — значит просто бежать. Считаете, что сорвали полный банк, — и ноги в руки!

— Я думаю, Петров неправильно понял свои функции, — сев на подоконник, сказала Аликс. — Уверен, что он и понятия не имеет, зачем его сюда привели.

— Да бросьте его, ребятам! — поспешно сказал Виталик. — И так все ясно.

— Да нет, не все! — усмеянулся, сказала Елена. — Скажите, Петров, как вы задумали нас, оккупировать?

— Да так, по плану, — ответил Петров. — Ну, будьте здоровы. И отправился на кухню.

5

Пискуненко деловито мыла посуду, Петров постоял в дверях, посмотрел, как ловко она работает, поднялся тому, как меняет внешность обычный домашний фартук (в фартуке Люся казалась меньше ростом, и уж совсем не осталось в ней ничтоже жалостливо-рыбьего: простая, работающая девочка, безблудная, тихая) и угрюмо сказал:

— Ну, одевайся, пошми, зайти на них выключать.

МОЛОСТЬ ОБЛАЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ

«Разрыв с эксплуататорским обществом характеризует настроения самых массовых слоев молодежи. В различных формах, на разной стадии сознательности и организованности она протестует и встает против преступлений империализма и социальной несправедливости...»

В общей борьбе рождается и укрепляется широкий фронт прогрессивной и демократической молодежи, в основе которого лежит единство действий молодежи социалистического мира, прогрессивной молодежи стран капитализма и молодежи, борющейся за национальное освобождение и социальные преобразования».

[Из Программного заявления ВФДМ, принятого восьмой юбилейной ассамблеей федерации в ноябре 1970 года].

**ИМЕННО В ЭТОМ ИЮРИ
БЕРГСКОМ ЗАЛЕ ЧЕТВЕРТЬ
ВЕКА НАЗАД БЫЛО ВПЕР-
ВЫЕ ПРОИЗНЕСЕНО СЛОВО
ОБВИНЕНИЕ. СЛОВО ПРИГ-
ВОР — «ГЕНОЦИД».**

Фото Евгения ХАЛДЕЯ

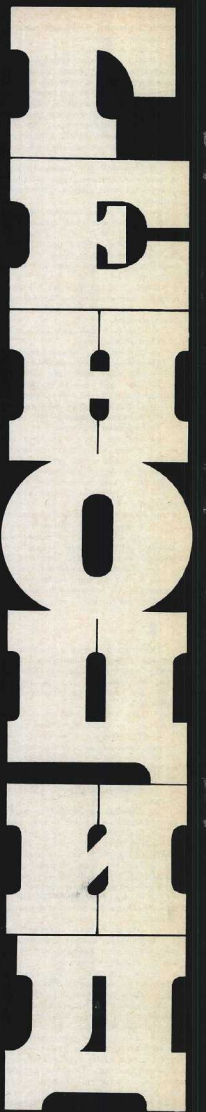
К востроению, вырубаше и выжигаше во время своих походов шелье племена, называли это «возвращение племени за возвращение гроба господина». Европейские колонизаторы, расчленявшие Африку и Азию на свои вотчины и распределявшие податства, именovali это «присоединение динарий и цивилизации». Гитлеровские фашисты, которые только в душегубках извели 12 миллионов человек, кричали об «очищении от расово неполноценных». Американская воєнщина, уничтожившая во Вьетнаме уже свыше миллиона мирных жителей, воплет о «защите демократии и свободы».

Едва ли не во все эпохи совершались преступления против человечества, но лишь империализм XX века довел их до таких размеров, когда под угрозу ставится жизнь целых народов.

Четверть века назад в обвинительном заключении по делу главных нацистских преступников — Геринга, Гесса и других — впервые было произнесено слово «геноцид». Юристы-международники составили этот термин из греческого слова «генос» [род, племя] и латинского «цидере» [убивать]. Народы мира, услышав в Нюрнберге фашизм, расшрифтовали эту юридическую формулу как Хатынь и Лядице, Орду и Бабин Яр, как Манданск, Освенцим, Бухенвальд, Маутгаузен... Люди еще не знали, что два десятилетия спустя этот список страшных империалистических преступлений будет продолжен названием вьетнамских общины Сонгми и сотен иных деревушек, сгоревших с лица земли бандитами типа американского лейтенанта Коэлла. Люди не знали, что смертоносные грузы, которыми американские бомбардировщики «В-52» обрушат на школы, больницы и лагеря Вьетнама, на много президент бомбовым тоном, который нацисты использовали за всю мировую войну. Люди еще ничего не знали и потому с надеждой встретили Конвенцию о предупреждении геноцида и наказании виновных в нем, принятую Генеральным Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 года.

Сегодня 28 лет спустя после Нюрнберга, геноцид по-прежнему на вооружении империализма. «Я обвиняю американскую систему в убийстве молодежи, которую посылают в Юго-Восточную Азию, за 10 тысяч миль от дома, дабы нанести смерть на преступную, расистскую, безбашенную и бессмысленную войну!»

Я обвиняю американскую систему в смер-

БОГИ НЕ СЛЫШАТ МОЛИТВ. ВОЗМОЖНЫХ К ПЕБУ ПОТОМСТВИ ГАЙАВАТЫ...

„ГОВОРИ, О ГАЙАВАТА!“

ЮРИЙ КАГРАМАНОВ

теплом насилием над вьетнамским народом! Я обвиняю американскую систему в том, что она почти полностью истребила индейцев, лишь немногие оставшихся последнего плочка земли!

Я обвиняю эту систему в чудовищной эксплуатации американцев пуэрториканского и мексиканского происхождения!

Я обвиняю американскую систему в убийстве народов — преступлении, осужденном хартией ООН...

Этот приговор прозвучал во время митинга в защиту Анджелы Дэвис один из лидеров негритянского движения США, пастор Ральф Абернати. После разгрома фашизма многие немцы утваридали, что им ничего не было известно о Трейлине и Бухенвальде. В сегодняшней Америке никто не может сказать, что ему неизвестно название разгромленной общины Селгит или острова-концентрации Кошюш, где в титриный клетке и подводных карерах пытал вьетнамских патриотов. Былиа главны обвинители от США на Нюрнбергском процессе Теодора Тейлор недавно написал книгу, уже в заголовке которой — «Нюрнберг и Вьетнам. Американские трагедии» — проведена четкая параллель между преступлениями германских нацистов и американских агрессоров. Сокрытие документов Пенгагона, этот антивоетнамский «план Барбаросса», саморазоблачение, после которого никакю обман уже невозможно.

Но геноцид — не только уничтожение людей с помощью оружия, огнестрельного, химического или химического. Геноцид — это обращение людей народов на вымирание от безработицы, болезни, эксплуатации.

Американские индейцы, эскимосы, алуаги, мексиканцы в южных штатах США — жертвы этого медленного, но не менее безжалостного геноцида. Уасть «Буракумундо», дугиталийской насти правде в Америке, которая составляет треть всех безработных в стране, тоже пример такого геноцида. Трагическая судьба 14-миллионного коренного населения ЮАР, загнанного белыми расистами в резервации, перенуэрированного, как отбынное население на шатах Йоганнесбурга — еще од на обвинение империализма в геноциде.

Л етним днем 1964 года по коридорам муниципалитета Сан-Франциско шествовала зловещая делегация: медлопимо, горбонские люди — индейцы плоченым сивуком — пришли к мэру города с просьбой вернуть им остров Алькатраз, плочок земли в двадцать акров, торжачи посередине бухты Сан-Франциско. Сивуки предъявили позолетную от времени бумагу — договор, заключенный в 1848 году все вождями их племени и федеральным правительством США. По этому соглашению остров Алькатраз объявлялся собственностью индейцев.

В полном соответствии с реакцией муниципалитета на эту удивительную просьбу городские газеты поместили сообщение о визите сивуков на страницах для юмора.

А 11 ноября 1969 года все утренние газеты Америки на первых полосах сообщили сенсационную весть: накануне вечером более ста индейцев — алаче, навахо, сивуки, пампото, шешени — высадились на острове Алькатраз, убрали щит с надписью «Вход воспрещен — собственность государства» и объявили остров своей землей. Здесь не было ничего, кроме нескольких торченных дранин, брошенных семь лет назад из-за забора. Когда в одном из камер острова Алькатраз сидел гангстер № 11 Аль Капоне и, торжачи упоминалось в туристических справочниках Сан-Франциско маршало с Золотым Воротами, Котасским городом, Аварумуко и прочими достопримечатель-

ностями. Теперь же торжачи успела зараста травой, и лишь полубезумный старик, бывший охранник Грени Додсон доминил здесь сгон век, но притязанию обхода вемерами все камеры.

Индейцы разместились в главном тюремном здании, отправили обратно полицейского офицера, примчавшегося было к ним на катере, и один из нас руководителем, представителем Союза коренных американцев (НАО) 25-летний Ричард Оукс передал журналистам следующее заявление:

«Мы требуем от имени индейского народа вернуть нам этот остров в качестве символической компенсации за миллионы незаконных земель, покрашенных нам в право, называемых американцами. Мы предлагаем правительству США за Алькатраз 24 доллара стеклинных бус и разовые билеты в полет. Цена вполне подходящая. Именно в такую сумму туриста лет назад обходился великий индейский остров Манхэттен, нынешняя часть Нью-Йорка».

Несколько недель спустя Сан-Франциско видели свет индейских костров на Алькатразе. Корреспондент итальянского журнала «Зурлово» Дулино Паллотелли сумел пробраться сквозь кордоны нацистических герардинов на бунтующий остров. Отрывок из его репортажа:

«На центральных воротах плакат: «Эта земля — моя земля!» и чуть дальше — «Индийская территория». На короткой площадке голыкают два индейца, молчащие готают пищу».

«Мы должны быть все вместе на слухи этих позитивных», — говорит мне девушка из племен шешени. — Но они могут и начать бомбардировку острова. Тогда...»

Молодого индейца из племени чокчагонитх за-
водит Деннис Тернер. Разговор с ним полон загад-
док и любопытств.

— Вы руководитель этой группы?

— Да, но не единственный. У нас есть комитет, принимающий коллективные решения. Комитет со-
блюдает предосторожности более чем двадцати племен, издавая раздвоенные постановления. Почему? Вот почему мы стремимся к коллективизму.

— Каковы motives вашей акции?

— Причины три. Во-первых, мы хотим превратить эту старую тюрьму в индейский культурный центр. Во-вторых, намерены вернуть индейцам часть их земель. И, наконец, индейцы американцев произошли изменения: кончились времена угнетения и унижения, мы хотим вернуть им часть их культуры. Своей акцией мы хотим изменить внутриплеменные нормы индейцев, модернизировать наше общество.

— Что вы скажете в связи с этим об индейских резервациях?

— Они расположены на самых плохих землях, где невозможно вести сельское хозяйство, с землями, очень далеко от больших городов, так что индустриализация туда тоже не дойдет. Все что индейцы делают на резервациях, — это ловить рыбу и позорить перед туристами, привозящими в резервацию на экскурсию.

— Следовательно, вы согласны на интеграцию с обществом белых?

— Нет, уж, спасибо! Это ваш прогресс обходится слишком дорого. Мы не хотим жить вместе с белыми, оставляя гражданам этого сорта белым намерены вести вполне современную жизнь на землях, возврата которых мы добьемся.

— Вы жили с собой на Аляске?

— Да. Вот этот бродок называется «орини»? — Вы приближились к острову, в том числе и полицейские натаера.

— У нас два выхода: либо умереть с голоду, либо стать официальным хозяином Аляски. Сила в этой борьбе не имеет значения. Мы хотим вернуть себе океанские кораллы, входящие в залива Сан-Франциско, прежде всего встречаться с индейцами, где написано: «Индейская территория».

С помощью национальных гарантийцев властям удалось все же вынудить «окупантов» с острова. Быстро расправи с индейцами способствовало

и желание тегасского нефтяного миллиардера Ханта, который уже решил прибрать к рукам Аляску; здесь будет либо отель-небоскреб, либо магазин.

Индейцы с Аляскира присоединились к 20 тысячам своим собратьям, живущих в Сан-Франциско, к 60 тысячам — в Лос-Анджелесе, и 15 тысячам — в Чикаго, короче, и почти все красные индейцы, которых от отказано в праве считаться американцами. Им — прежнемую угованна вдвое меньшая продолжительность жизни — 37 лет, число безработных среди них, как и раньше, составляет 40 до 80 процентов. Среднегодовой доход индейской семьи по-прежнему колеблется от 105 до 1 200 долларов (при официальном прогнозируемом минимуме американской семьи в 3 300 долларов).

То же, что еще не смог выбраться из резервации, «Ну же! У вас у нас, в Америке!» — вырвалось у репортера провинциальной газеты «Денвер пост», побывавшего в резервации. Индейцы даже в негритянских гетто. Жилища — жалкие лачуги, сложенные из досок. Ни электричества, ни водопровода, ни канализации. Люди, которые тут живут, настолько измождены, что не могут даже думать о том, чтобы пойти работать. Здесь редко кто доживает до старости. И если слышишь песни, то лишь погребальные. Впрочем, бывший денверский репортер отдался на волю фантазии. В Вашингтоне существует специальное Бюро по делам индейцев, которое совершенно официально заявляет, что условия жизни индейцев в резервациях — это «сабстандарт», а есть никак иначе.

То, чем занимается Бюро, вошло в историю под названием «потопкиных деревень». Из 22 тысяч чиновников этого, в сущности, колониального офиса несколько человек — индейцы. В дни празд-

ников эти образцово-показательные индейские вожди выступают по телевидению, произнося заученные слова о том, как заблудится великая Америка и как можно избежать этого. В Вашингтоне вождей, Чарли Красное Облако, демонстрируют буквально всем высочайшим чиновникам, не забывая, разумеется, о следующем: когда важный гость пожелает побывать дома в Чикаго, его везут не в провинциальную лачугу без света и воды, где жутится Красное Облако с многочисленным семейством, а в «образцовую» резервацию Пайн-Ридж в штате Северная Дакота. Там «добрые и счастливые» индейцы живут в комфортабельных домах. Чарли Красное Облако танцует древние, воинственные, но никого уже не пугающие танцы (без шамала и здесь, правда, не обходится; богатый турист как раз везет с собой шамала), а индейцы — двадцатье доллар и спросил ее, что она делала, если бы у нее было много таких долларов; девочка ответила, что она устроила бы резервацию для бедных индейцев. Когда же она получила доллар, чтобы посмотреть, как они танцуют.

Задачей Вашингтонского Бюро по делам индейцев является не только камуфляж истинного положения вещей, но и то, что антрополог страшно велико называет «культурной индустрией». Если в 1863 году американский генерал-капитан Керлтон издал свой знаменитый приказ «убивать всех мужчин и апачей мужского пола независимо от возраста, а также и женщин, которые не являются женой индейцев жерновом машинной цивилизации, обезличить их, сделать послушными, вывести их в бетонные клетки больших городов. Когда же индейцы не хотят жить в резервациях, то в качестве карантина из Вашингтонского Бюро чертятся в своих кабинетах, сетуя, по словам журналиста Харрея Старлинга, что краснокожие, мол, «грязная, невежественная, аморальная». За Капитализмская цивилизация и индейцы...

КА СООБОРЯЕТСЯ
Арт ШИДС, американский журналист

иную осевью в городе Анорида (штат Аляска) была дана сила и не могла местной и безудержной охоты за чужими богатствами: с молотка шли 450 тысяч веревт тундры, трамвай в Сидней, а также нефть на 179 нефтяных участках за 15,5 миллиона долларов перешел во владение компании «Глаф ойл» и «Бритиш петролеум» (второй же — 20 миллионов, третий — опять-таки мы за 31 миллион. Настоящая же драма началась, когда было объявлено о продаже 37-го участка за 200 миллионов. Уступил американские нефтяные король Поль Гетти и Гарольд Хант. 47 миллионов предложили «Глаф ойл» и «Бритиш петролеум», 72 миллиона — Гетти и Хант. Последнее, небрежно добавив к этой сумме еще миллион с лишним, разумеется, вышли победителями.

А то время, когда монополии раздирали на части тундру Аляски, наченную нефтью, по улицам Анориды шла демонстрация эскимосов, которые несли плакат: «Это наша земля!»

Да, это их земля, их тундра, которую они владели сообразно тысяч лет, их нефть, которую открыли именно они, а не белые завоеватели. «Здесь украл на два миллиона долларов — это земля!» — кричали плакаты эскимосских демонстрантов, имея в виду нынешнюю стоимость нефтяных участков. В недалеком будущем прибыли Хант и Гетти, достигнув астрономических размеров, но коренные жители Аляски не получат от этого ни цента, как не получат они ни цента от тех самих эскимосов, доллар за которые в 1867 году американские банкиры купили у русского царя всю Аляску вместе с эскимосами, алясками и индейцами.

Много назад я вместе со старшим братом Уотером работал учителем на Аляске. Поиню, как под вечер и я, в дом являлся человек лет 60, нока, индейский, который раньше тоже учительствовал в местечке Барроу, а потом исчез в тундре. И вот он вернулся, все в снегу, с трясущимися руками, с лихорадоч-

ными блеском в глазах: он нашел в тундре нефть, много нефти, а самое главное, нефть. Ни о чем большем он не мог говорить и лишь повторял слово «миллионы». После нефтяного озера Ричардсон воил завыченные ставки и теперь намеревался начать переговоры с деньгами. Я заинтересовался, как смог он пройти такое большое расстояние по тундре один, без местной помощи. Он ответил, что привел его ветлы, что привел его и нефть один эскимос, какой-то оленевод, и вновь эскимос — «миллионы». Когда же и изнеможенный Ричардсон от молчественного Ханта — дистанция огромного размера, но только в смысле финансовом, Ричардсон не смог заинтересоваться нефтяными богатствами Аляски матушки США: тогда они предпочтительно тянуть земную кровь из Венесуэлы, Колумбии, Техаса, с Ближнего Востока. Сегодня пришла очередь Аляски, и Хант отменяет 72 миллиона за один-единственный нефтяный участок, стоимость же мала душой о его истинных значениях, как и «перевороты» Ричардсона.

Дня, когда в Анориде шли нефтяные торги, губернатор Аляски Миллер ценнично назвал великим успехом победу эскимосов. Прогрессивная общественность моей страны считает это актуальное еще одним актом геноцида по отношению к коренному населению. Идетская смертность в последние дни эти люди столь утасоцили, что даже буржуазная пресса вынуждена нарушить свой англоветий заговор — и начать, обдумывая эскимосы, индейцы, алуэты — самые несчастные бедняки в мире, — назвать «Вашингтон пост» — «Состояние здоровья большинства из этих бедняков, идущая смертность — вдвое выше, чем среди белого населения того же штата. Средняя продолжительность жизни — менее 35 лет. Главной причиной скоропостижных ранних лет жизни является всеобщая недостаточность питания».

Нефтяные вышки Ханта, Гетти и К'опленга — последние нормы в тундре Аляски — слово дзорные башни гигантского колледжа. Это сравнение — не литературный прием, а сама действительность.

ПРОСТАТА СКОРБИТ
Из доклада представителя ДРБ на Межпарламентском совещании по вопросу агрессии США во Вьетнаме, февраль 1967 г., Вьетнам

еще раз неразрывно связан с неограниченной агрессией, которую американцы осуществляют во Вьетнаме, — является выражением агрессии, ее продолжением, поскольку уничтожение народа во Вьетнаме началось с американской агрессии и с развитием ее приобретает все более жестокий характер, все с особой жестокостью, подлостью...

Все шесть крупных городов на Севере Вьетнама, в том числе столица Ханой и порт Хайфон, бомбардированы с воздуха. Более 80 населенных мест всех небольших и мелких населенных пунктов были сровнены с землей или сильно разрушены. Город Винь (72 тысячи жителей) потерял более тысячи воздушных бомбардировок, во время которых было сброшено 30 тысяч бомб. Центр города Донг Хай с населением в 16 тысяч человек и площадью около трех квадратных километров подвергся бомбардировке 1 130 раз. Община Винь Тян (область Винь Лям), занимающая площадь в три квадратных километра и насчитывавшая 1 500 человек, бомбардировалась более трех тысяч раз, что в результате в Винь Тян погибло 1 200 человек, в среднем 24 бомбы и 200 ранат.

Итентивные бомбардировки велись одна за другой, чтобы не дать населению Вьетнама ни малейшего шанса укрыться. Вьетнамцы ушли на 160 больниц, хотя на них был знак Красного Креста, на 600 медицинских пунктов в сельской местности, в ряде провинций — в деревнях и тундрах, ни в одном из которых не было ни одного медицинского учреждения. Агрессоры прежде всего напали на больницы, где людей лечили от простуды и туберкулеза, ни в одном из них не было ни одного медицинского учреждения. Агрессоры прежде всего напали на больницы, где людей лечили от простуды и туберкулеза, ни в одном из которых не было ни одного медицинского учреждения. Агрессоры прежде всего напали на больницы, где людей лечили от простуды и туберкулеза, ни в одном из которых не было ни одного медицинского учреждения.

Северный Вьетнам подвержен нашествию дурного воздуха со стороны океана. Каждый год с июня по сентябрь, когда здесь льют дожди, возникает опасность наводнения, а в другие месяцы продолжается засуха. В связи с таким строительством плотин и оросительных сооружений в течение столетий было связано с борьбой вьетнамского народа за его существование и разви-

несколько лет до своей смерти сенатор Роберт Кеннеди посетил резервацию Пайн-Ридж, ту самую, образцовую и показательную. Кроме живописных видов, он не нашел там ничего: ни молоты в поле, ни шпатель в магазине, ни магазин. Публичные выступления возмущенного сенатора возмели свое действие: власти штата объявили, что «испорченная жизнь коснется и Пайн-Риджа». Школы и магазинов там как и не появилось, зато неподалеку от резервации выстроили большой аэродром, и теперь индейцы могут круглые сутки наслаждаться видами и ревом реактивных самолетов. Число самоубийств среди молодежи в Пайн-Ридже уже не достигает раз превышающего среднестатистические данные по Америке, детская смертность и рост заболеваний туберкулезом тоже.

Если уж в этом театре для туристов жизнь индейцев тасова, то можно себе представить положение в остальных резервациях, можно понять индейца Роберта Бенета, который в июле 1969 года покинул свой пост руководителя вашиingtonского Бюро, не желая больше участвовать в чиновничьем спектакле: «Наша администрация, как и прежде, полностью игнорирует индейцев», — заявил он в печати.

Но игнорировать полмиллиона коренных американцев становится все труднее. Забастовки горняков-индейцев на угольных рудниках штата Кьюта, трагедия бара калifornийских сборников винграда — индейцев и мексиканцев — за свои права, сидние забастовки протеста (так называемые «фрн-нин») на американском северо-западе, бастовки котлов индейцев против отмены ограничений на рыбную ловлю на своих исконных землях. Все это никак не вяжется с элитическими танцами и резервации Пайн-Ридж.

Власти беспосковы и тем, что немалогие ин-

дейцы, прорвавшись в колледжи и университеты, которых больше поощряли, надеясь, что после «проявки мозгов» именно они — эти краснокосые — станут проводниками «белого американизма» среди своих собратьев, стали руководителями широкого общественного движения за гражданские права индейцев.

Мел Том из племени пайотов (а они, кстати сказать, последними сложили оружие перед белыми завоевателями в 1911 году) возглавляет Национальный совет индейской молодежи. Ему удалось получить диплом инженера, но он преобрел наркоров, вернулся для просветительной работы в резервацию. Пять лет назад в Национальном совете было десять человек, сегодня — несколько тысяч. «Никакой народ не даст себя избить, не оказав последнего сопротивления. Поэтому индейцы сплачивают ряды», — говорит Мел Том.

У него и его товарищей нет еще четкой программы, они ощущают пытанье найти свою, индейскую правду, научную революционную мысль пробуют совместить с системой ценностей индейского народа, нередко мешают Маркса с Маркузе, Ганди с Хинстоном, подчас впадают в «примис антирастов», распространяя ненависть к учителям на белого человека вообще. Впрочем, последние и Мелу Тому не отобьются. «Наш враг», — говорит он, — это не белый человек как таковой. Индейский революционер испытывает негодование, когда видит, как белый человек обращается с другими белыми людьми. Враг — это американский образ жизни.

В горячке спора родился лозунг «Эд паурз!» («Встань — краснокосый»). Попа на страницах газет, лозунг шокировал обывателя тем более, что «Эд паурз!» можно понять и как «Власть — красным!». Авторы лозунга понимают его как требо-

вание признать за индейским народом права на самоопределение в рамках существующих резерваций. «Мы хотим быть хозяевами на той земле, которую нам собогволили оставить белые завоеватели», — провозглашает Ванн Делория, президент Национального конгресса американских индейцев, организация, созданной помимо и вопреки правительственному Бюро в Вашингтоне.

Итак, «трайбализм», племенной образ жизни в сочетании с новейшими достижениями цивилизации. Эта мысль упорно грездит в головах многих руководителей индейского национального движения в США, в ней они видят альтернативу уродливому «американскому образу жизни». «Мы, как вы помните, высказываем и лидер калifornийских индейцев, захвативших остров Алькатраза. Эта идея еще может потопить немало пиргов и затопить множество томагавгов, прежде чем движение в защиту угнетенного коренного населения Америки выйдет на верный путь». «Освобождение индейского народа — цель всеобщего классового сражения, элемент освободительной борьбы всех угнетенных народов в Соединенных Штатах», — говорится в решении национальной конференции американских коммунистов, посвященной индейской проблеме. Да, только так сможет добиться свободы народ, порабощенный вот уже три столетия.

«Непримиримые, всегда молчащие индейцы» — принято было считать. В сегодняшней Америке эти люди нарушили свое молчанье. Их голоса громче. И все громче в сегодняшней Америке звучат хоры, написанные блудливыми американцем Теири Лонгфелло об американских индейцах:

«Враг мой! Встань, исполнись силы,
Говори, о, Гайават!»

тие. Вот почему американские агрессоры нацелили свои бомбардировки именно на ирригационную систему: вода в году больше 100 тысяч акров штата Кьюта, в 1964 году — 1300, в 1967 году — более 1500. Люди не скрывали своих намерений. Вот цитата из «Нью-Йорк Таймс» от 12 июля 1966 года: «Бомбардировка большой площади на севере Ханоя соответствовала бы по последним взрывам водородной бомбы в Китае. Бомбы были наводнения, урожай риса за лето и осень уничтожен, в волнах погибло бы от двух до трех миллионов человек...»

В том упомянуто презумпция слова бывшего начальника генштаба американских военно-воздушных сил Куртиса Лимея: «Каждая фабрика, каждый промышленный объект (Северный Вьетнам) должны разрушаться до тех пор, пока там не останется камня на камне».

В близость свою министр обороны США Роберт Макнамара открыто югити (цитирует по телеграмме ЮЮИ от 27 апреля 1965 года): «Американцы придерживаются точки зрения, что не следует связывать свои руки при использовании оружия, какого бы рода оно ни было, и его войска не цереминируются. Если даже гитлеровцы не решились использовать в качестве оружия химические средства и ядовитые газы, применяя их лишь в концлагорях, то американские империалисты не нуждаются в печал ирелаторов: они рассыпали химические отравляющие вещества не только над территорией Южного Вьетнама, но и над определенными областями ДРВ».

С 1961 года, уже десять лет, агрессоры США ведут на Юге Вьетнама химическую войну. Сотни тысяч гектаров посевных площадей опустошены, убита сотни тысяч людей. Многие области страны превратились в безжизненный «спуной ландшафт». Наука и техника, которыми можно гордиться человечество, в руках воинствующих американских империалистов превратились в преступное орудие подавления и уничтожения народов. «Мы, американцы», кричит генерал-фанатик Уэстморленд, — должны до тех пор пускать кровь выт-

наидея, пока это не станет национальной катастрофой для нескольких поколений».

Итак, все максис с американского империализма давно сбросьены. Согласно статье старой Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказаниях за него, существующий три категории преступлений: действия, направленные против физического существования людей [ли-

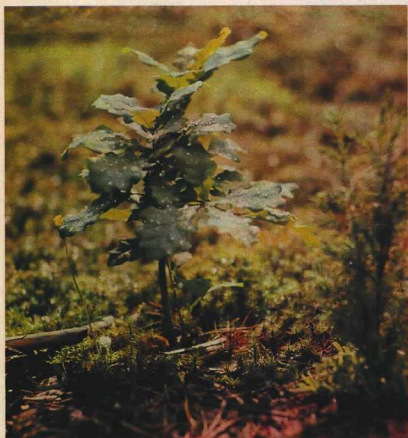
шение жизни, нанесение ущерба здоровью людей]; действия, направленные против условий существования и против экономической жизни группы людей; действия, которые мешают дальнейшему существованию расы.

АМЕРИКАНСКИЕ ИМПЕРИАЛИСТЫ СОВЕРШИЛИ ВСЕ ТРИ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВЬЕТНАМСКОМУ НАРОДУ.

«НАС НИЧЕМУ НЕ НАУЧИЛИ УРОКИ, КОТОРЫЕ МЫ САМИ ПРЕОДАВАЛИ В ГИТЛЕРОВЕ...» Это из речи Теафорда ТЕЙЛора, главного обывателя от США на процессе нацистских военных преступников.

ЧЕРЕЗ МИНУТУ — КАЗНЬ...

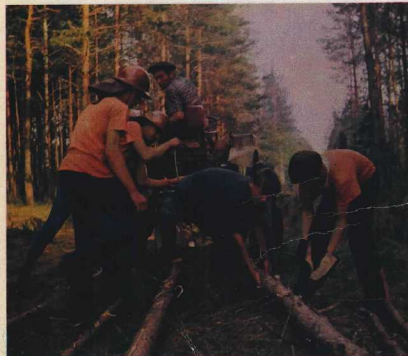

БУДУЩИЯ ИСПОЛНИ.

УТРО В ЛЕСНИЧЕСТВЕ.

ЛЕСНАЯ ДРУЖИНА

ДЕСЯТИКЛАССНИКИ ЗАНИМАЮТСЯ ВАЛКОЙ И ТРЕЛЕВКОЙ ЛЕСА.

Король живет в Белоруссии в небольшой деревне Полонке, избы которой растянулись вдоль пыльного большака. Конечно же, у Короля есть свои псарни — три страннородные собаки, привычные ходить на кабана, гнать зайца. И собственный вьезд у него тоже есть — черная мотоцикла «ИЖ», на котором мотается он по окрестным деревням, хуторам, лесам.

Помимо, как впервые увидел его в сером облачке пшав, шлефром полущим за ним по полой горке к центру деревни, где стояли мы под немилосердным летним солнцем.

— Король пшлит, — сказаа кто-то из местных.

Короля из деревни Полонки зовут Алексеем. Точнее, Алексеем Васильевичем, но, честно говоря, за время общения с ним, человеком достаточно молодым, редко приходясь слышать, чтобы величали его по имени и отчеству. Разве что ребята-старшеклассники из деревенской школы. А так все больше — Алексей или того проще — дядя Леша. В портрете Короля — черные, коротко стриженные усики, широкие скулы, живость в глазах. И форменный китель асбестового с тремя звездочками в петлицах, выдавший многие годы, совсем не парадный китель, скорее рабочая спецовка. И мешатая в полетали ладоны.

— Алексей Король, лесничий. Чем могу быть полезен?

...«Чем могу быть полезен? Мне потом долго слышится этот вопрос.

Итая историю своей страны, мы уже как само собой разумеющееся отмечаем на ее страницах названия новых городов и заводов, которые выросли из привычного понятия — комсомольско-молодежная стройка. Мы легко находим на карте пока едва различимые точки крупных сегодняшних новостроек. Все они помечены надежным знаком качества — непосредственной и массовой причастностью к их строительству молодежи.

Однако и сейчас вот о чем...
О правой тишине леса, протянув-

СЕМНЬКЛАСНИЦЫ СОБИРАЮТ ЛЕКАРСТВЕННЫЕ ТРАВЫ.

**Александр МАРЬЯМОВ,
Альберт ЛЕХМУС (фото)**

**ЛЮЛЯ ЛЕВКО И ГАЛЯ ПАРХОВИЧ — ПОВАРХИ
БРИГАДЫ.**

ШКОЛЬНИ ЛЕСНИЧИ ИВАН ОУТА.

...шегся на многие километры, о неширокой, прозрачной реке Иссе, петляющей в зарослях, об аисте, свисшем себе гнездо на старом дубе в центре деревни, о лесах, о грибах и охаках, которых в этих местах тыма-тымаши... И о природе, красоте и богатства которой сегодня тоже в сфере забот молодежи. И об огромных зеленых новостройках, где не шумит буалювер и самосвалы, не летает бетон, не скрежещет краны, где строится лес, вытягивается аккуратными полосками еда примитивных саженок. Где нежность березово реставрируется человеческими руками, обрывает молодость. И о том, что все это началось с того самого вопроса: «Чем мы можем быть полезны?» Именно с ним пришла четыре года назад ученики средней школы в деревне Полоево к лесничему Алексею Королю.

Леса за Полоево начинаются уединенные: сухие, жаркие сосняки с песчаными дюнами, потом вдруг полосы чисто лиственные, с березовой и основной прохладой, с шелестом, с типичным многоголосиельем: темные, густые елочки, некими хранище спокойствие Дубравы, а потом и сосна, и ель, и береза, и дуб, и граб, и осина — все вперемешку, и солнечные блики улетят полянок, и ольшаны, и поросшие кустарником кусторья, и речка в ивах и камыше. Когда катились из Барановичей, из района, на «зеленый» сначала по асфальту Брестского шоссе, а потом по пыльному, корявому проселку сквозь большое село Новая Мышь, сквозь ужожиные, полевые свежой зоной лесоводства поле, не очень-то верши в красочные рассказы шофера Сашки о чудесных полоевоковских лесах — редкое дерево перечеркнет горизонт. Да и сама Полоевока вырастает вдруг посреди поля, за покатым шпилем холма. И только миновав центр деревни и приторюмова на излете затянутого песчаного полянка у ворот школы, удивляешься, что аальше-то вроде и ехать некуда, дальше лес по всему горизонту.

Несколько лет назад школа была деревенской и маленькой в четыре классных комнаты. Черныйяк времяем сруб и сейчас стоит у самой дороги — в нем теперь лесские пособия и краеведческий музей, любовно собираемый и охраняемый самими ребятами. А новое здание школы вытнулось чуть в глубине. И хотя оно тоже в один этаж, но классы и кабинеты стало больше, и оборудованы они лучше, да и ребята приезжают теперь сюда из двенадцати окрестных

деревень. Сады — школьный стадои с футбольным полем, с беговой дорожкой, с баскетбольной и волейбольной площадками. Огромные делянки, где мадальеклассники выращивают опытные сорта помидоров и огурцов. И фруктовый сад и цветник, тщательно возделанный и обширный, находится здесь же, на пришкольном участке. А по горизонту — лес, лес, лес...

— Это тоже наш пришкольный участок, — говорит учительница биологии Леонидия Прокофьевна Хованская. — Триста двадцать шесть гектаров леса, за сохранность, за красоту, за жизнь которого каждому отвечает ребята, наше школьное лесничество... Я спросила у лесничего Алексея Короля:

— Должно быть, вам трудно справляться с хлопотами по столь обширному лесному хозяйству?

— Нет, лесники у меня опытные, знающие и любящие свое дело.

— Тогда зачем вам понадобилось столько помощников? Сто восьмидесять ребят из Полоевокой школы.

— Тут правильное говорить о взаимности: им самим понадобился лес, свой лес... Так же, как и они необходимы лесу.

...У вечернего леса приглушенная акустика. И устал затухающий жестина чуть подосвежавую шаши аиды. И мгновенное удивление ржего зайца, выскользнувшего в случайную полосу отблеска пламени.

В тот вечер лесничий Алексей Король произнес успешный монолог о Лесе:

— Исток всегда мло. Но он идет начало большому, питает его, дает ему жизнь. Правильность: к родным местам, доброту к своей природе — истоки патриотизма... Верно! Красота никогда не бывает мутной. Она живет душой о Родине, внутренне опусцень ее красотой... Так ведь Красоту духа человекскому, отстоявшего у всех живого, красноту новых городов, строки, имити — млом ли чей? Много на ум приходит, как дух захватывает... И луноход наш на луноход... Но и в воспоминаниях всегда есть самые теплые места. Не сентиментальнее — теплые... Верно! Ими рождия какая, или лес за окладией... Чуете? Много им доставалось на веку. И войны и стройка — куда нынче без леса! Си и ломит, и ослепает, и согревает... Я о чем говорю? Не о том, что, мол, лесозаготовитель надо прикрывать или карауа кричать, еда охотника какого уадаши... Я — про ум, с каким надо к лесу подходить, летать его, заботиться о продолжении его жизни... Верно! Много тут всяких тонкостей есть! Но много так в последние годы ста-

«ЗЕЛЕНЫЙ ПАТРУЛЬ»: СЕМИКЛАССНИКИ РАССЕЛЯЮТ МУРВАВЬЕВ.

Мне кажется, в Белоруссии, в одном из самых лесных наших краев, помню это раньше друтих «Зеленые патрули», эти многочисленные, шестеренные отряды друзей леса, сделанные за неприкосновенностью городских посадок и лесного молодняка, подкармливающие птиц, сооружающие своренки, стали здесь основой дела более взрослого, более важного. Несколько лет назад начал появляться в рестубинке, в ее сельских районах школьные лесничества. Благодаря их настойчивости и инициативе комсомольских организаций работа полу-

ОДНА ЛОШАДИНА СИЛА ПЛЮС ЭНТУЗИАЗМ БРИГАДЫ...

...ди мы на них внимание обращать... И ребята вот тоже повяли... Самим что нужны лесу. И си им. Дае их же будущее... Да вности страны. Это я к тому, что премеистность — она основа прогресса. Так!

Мм долго не говорилась вое. А потом кто-то исповица денный цитированный пожарной лесной плакат: «Из одного дерева можно сделать миллион спичек, но ода спичка может сжечь миллион деревьев». И это не покаялось таким уж по-детски вняным: валежник был сухим, как хворост, опесчедобным.

Лес не терпит пренебрежения. И действително апусцается здесь аинь в форме одорозительных прогулок да грибных вылазок. Умение хозяйствовать в лесу никак не рифмуется с хозяйничаньем. Сегодня лесной организм нуждается не столько в доброжелательной опеке, сколько в востоянстве забот, в профессиональности подхода.

...чили в свое распоряжение тысячи гектаров лесных угодий, начали хозяйничать в них. Чтобы решиться на такой шаг, нужна была и смелость и авантюризм. Надеянная взаимности лесничества, школьная организация друзей природы брава не себя, помимо эсето премеого, обязательства материально ответственные, а бы сказла, государственные. Забота о лесе в том широком, всестороннем плане, какой подразумевала сама идея школьных лесничеств, хоти и премеиставляла ребатам определенные права, но что гораздо важнее, нааляла на них достаточно серьезные и трудоемкие обязательства.

— Сознайтесь, вы рисковали, предлагая школьникам заботу о престогах двенадцати шести гектаров леса? — спросила я Король.

— Новое всегда начинается с риска, — ответила лесничий. — Без этого нельзя. В таком деле одного желания мало, нужно еще и умение. Нужно было обучить ребят всему комплексу лесных работ, технике безопасности, многим тонкостям общения с лесом, многим хитростям. Но когда они при-

шли ко мне вместе с биологом Леонаидом Прокофьевым и спросили, чем могут быть полезны, я поучаствовал, что главное уже есть, что дело будет. Наверное, я поверил в их серьезность... В организационной их внутренней связи с лесом...

А если все было проще? — сказал молодявший до сих пор Михаил Васильевич Трофимук, зачул школь. — А если это любовь? И они решили первыми объявить себя школьниками.

У Полоковского школы свой машинный парк. Пока идут занятия в классах, у длинного деревянного бума до дворе отаждат велосипеды (вместо этого дело — накручивать километры по сплущенному песчаному грунту, по лесным тропкам и просекам). И мотоциклы здесь тоже стоят —

ЛЕСНОЕ ХЛЕБОСОЛЬЕ.

нуж отчаянно кудахтающую машину, они вылетели из ворот школы на улицу, запылали по ней к лесу. К своему лесу.

Полоновское школьное лесничество создано живит на цифровой основе, багаторой которой можно зримо представить себе его историю. Весной прошлого года школьники высадили в питомнике своего лесничества 6 тысяч саженцев деревьев. Осенью было посажено еще 20 гектаров молодого леса. Ребята заготовили тысячи венчиков для зимней подкормки животных, соорудили 350 скворечниц, огородами и рассадил 19 муравейник. В своей деревне ребята сквер у детского сада, высадил в нем 175 деревьев. И разбились ребята програну на три километра. И сад из 1830 деревьев посадили.

Какие еще у них были работы? Проверяли лес от сухоты и больных стволов. Собирали и сдавали на государственные заготовительные пункты грибы, ягоды, лекарственные травы. Два брата — Ваня и Коля Орта — собрали 400 килограммов грибов, а шестилетняя Алеша Парканич — 65 килограммов лекарственных растений.

Оборудовали в лесу несколько биологов, на которых зимой могут подкармливаться звери. С браконьерами воевали — в лесу и на берегах богатой форелью речки Иссы. Несколько лет назад там можно было встретить и таких, кто тревит рыбу хлоркой («На четыре километра вся рыба в реке всплыла, вот ведь как-то злодея!» — возмущенно говорит мне Валерий Гунадр), и таких, кто бродил по неглубокой воде с сетями, а вынул, и разложил рыбу. Теперь ничего этого нет: распухла ребята браконьеров — и в лесу и на реке.

И еще что умеют лесники Король сказал мне: за все прошлое — жаркое и сухое — лето не было в полоновских лесах ни одного пожара. Это ведь тоже цифра, и довольно красноречивая.

Нынешним летом Полоновское лесничество само и школа организовали для ребят лесной лагерь труда и отдыха. Выезжали туда старшожанки — купались, занимались спортом и работами. Руководимые опытными лесниками, они впервые получили в свои руки бензиновый для

вадки леса, занялись настоящим взрослым трудом. И требования с них взрослые и опалы. Школьное лесничество подготовило их к самостоятельности, обогатило умением, привило многие профессиональные навыки.

Теперь, когда Виктор Воробей закончил десятилетку и собирается в Киев, тогда поступит в военное училище, главой школьного лесничества стал Иван Орта. И китедь с тремя звездами в петлицах, лоты и немки и ему в петлах, смотрит на этого невысокого пареня-девятиклассника вполне солидно.

Отец Иван — лесник Полоновского лесничества. Брат — тоже лесник, но уже лесничества школьного. Профессия эта у них фамильная, и если судить по работам, по их любви к лесу, по достижимости знания его, будет она жить в семье еще многие годы. И в продолжении ее ныне возможны пути самые различные — через техникум или технологический институт, через институт лесного хозяйства, но с обязательным возвращением к лесу, к природе, вне заботы о которых многие из ребят Полоновской средней школы гадать трудно же не представляют. Только за три последних года пятнадцать выпускников этой сельской школы выбрали своей жизненной профессией лесничество. Кто-то еще учится, кто-то работает здесь же, в Полонке, а Николай Скобелев, закончивший Минский технологический институт, уехал далеко на восток, в Тюменскую область.

«Исток всегда мал. Но он двет начало большому, питает его, дает ему жизнь».

В годы первых пятнаток публицист «Правды» Яков Ильян писал: «Я обожаю корпус, людей, улицы, как разбитый холмик, горячий утиском своего дела. Все мое, и за все я отвечаю. Но не шарию обязанности безответственности. Нет. Это шестое чувство хозяина страны!» И мой рассказ — о прекрасных белорусских лесах, о людях, которые оберегают их — лесникам Король, его соратникам — школьникам — тоже об этом шестом чувстве хозяина и гражданина.

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОРОЛЬ — ЛЕСНИК ПОЛОНОВСКОГО ЛЕСНИЧЕСТВА СО СВОИМИ ПОМОЩНИКАМИ.

транспорт совсем уже самостоятельных выпускников.

В лесничестве без транспорта некуда — улыбается Виктор Воробей. И бровки и рубаха на нем лесного зеленого цвета. Не форма, нет, само по себе получилось — любит он этот цвет, идет от ему. А когда в течение двух лет был он лесником, тогда была форма — китедь с тремя звездами в петлицах, синие бровки. — Многие что тогда было, — добавляет он с некоторой грустью в голосе (или это лишь я слышу эту грусть?).

С Виктор Воробей все и начиналось. С Виктор, еще нескольких ребят-восьмиклассников, с преподавателя биологии Леонаидом Прокофьевым Хованским, с завуча Михаила Васильевича Трофимука.

Как, что и где будет — это их были мечты. Как все стало, наладилось, обрело твердую почву под ногами, хозяйскую основательность — это их были дела, их заботы. Ну, не только их. Ступачество было сначала пугать. Теперь — сто восемьдесят.

Вместе с лесником Алексеем Королем, добродетельным охотником и

наставником школьником, разработали они структуру этого лесничества.

Рыбный 326 гектаров леса на шесть километров, к каждому километру прикрепил мальчишка-лесника со званием помощников, организован совет школьного лесничества, в компетенции которого решались все задачи, начиная от приема нового члена и кончая составлением годовых планов работ по охране леса. В совет были избраны десять человек, начиная с первого класса.

— Составили карты, в лесничестве получали все необходимое для работы сваренные, технику даже давали, ну, и начал работать. — Виктор явно не любит долгих разговоров.

— И как же вы работали? — Неудачно вроде бы. — Он опять улыбается. — Вот часы именные подарил за первое место на республиканском слете.

Он уже устроился на заднем сиденье мотоцикла. А его приятель Валерий Гунадр уже загустил мотор. И у них обих были хитрые лица (такое, какие бывают только у деревенских мальчишек), когда, лихо развер-

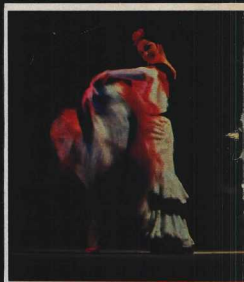

Надежда ЖЕЛЕЗНОВА,
Мирослав МУРАЗОВ (фото)

МГНОВЕНИЯ ТАНЦА

ЛЮДИМИЛА АВЕРКИНА В ОГНЕ-
ВОЙ «КАЧУЧЕ» НА МУЗЫКУ СА-
РАСАТЕ.

ГОТИКА И XX ВЕК.

Крылья сказочной Жар-Птицы были ажурно развешены вдоль стены артистической уборной... Баба-Яга мужским басом спорила о некоем стайном юноте маркиза в седых париках, сплотно сошедших со средневековой гравюры...

Пожалуй, нечасто встретишь за кулисами одного балетного спектакля такую смесь овидия и пифа, народов и злод, как было это в вечер недавней премьеры ленинградского ансамбля «Хореографические миниатюры». Зал Государственного орден Ленина Академического Малого театра оперы и балета переполнен. Строгий ленинградский зритель, воспитанный на искусстве всемирно известных хореографов, балерин, танцовщиц,— что ожидал он увидеть в вечер рождения молодого балета, на афише которого ни известных имен, ни парочка «заслуженных» и «народных»!

Примерно год назад Леонид Веинманнович Якобсон, один из ста-

рейших балетмейстеров страны, заслуженный деятель искусств РСФСР, человек, создавший десятки балетов в разных театрах Союза, принялся за работу с коллективом восемнадцати—двадцатилетних девушек и юношей, выпускников хореографических училищ Ленинграда и Куйбышева, Харькова и Бaku, Пензы и Донецка.

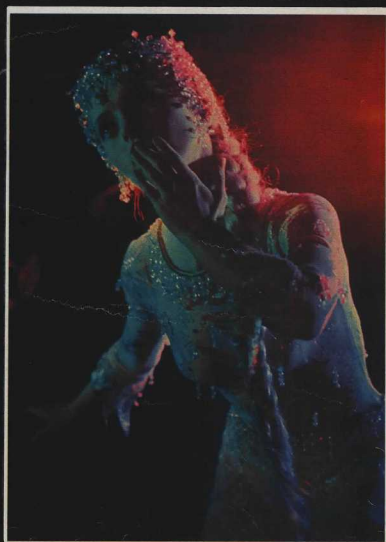
Создавался коллектив просто: сначала объявление о конкурсе в газете «Советская культура», потом—недели и недели просмотров всех желающих.

Желающих были сотни. Принято было 35 человек.

И вот прошел год—год жизни молодого коллектива энтузиастов и единомышленников, знающих, чего они хотят и обладающих, кроме всех других талантов, еще одним—умением трудиться.

...Исконные пол-Ленинграда [у группы еще нет своего помещения, в народно-репетиционном объединении в одном клубе, переносится в другой, что несколько, впрочем, не отражается на настроении артистов], мне посчастливилось увидеть репетицию ансамбля. Именно посчастливилось, без этих трех часов в полутоном, пустом зрительном зале я не узнала бы и не поняла ничего.

Масштабы труда за год: молодой балет подготовил девять законченных театральзованных программ, где в танце и пантомиме воплощены музыкальные образы сложнейших произведений русских, зарубежных, советских композиторов. В репертуаре молодого театра балетные сюиты на музыку Вагнера и Бетховена, Моцарта и Прокофьева, Стравинского и Шостаковича. Уже этот перечень имен [и слову, далеко не полному!] отражает разнообразие тем и жанров, обидчивоначив в спектаклях ансамбля. Каждый цикл—это не балетный дивертисмент, а всегда единый спектакль, пронизанный общей мыслью, хотя ча-

СКУЛЬПТУРА РОДЕНЫ ОЖИВАЕТ В ТАНЦЕ.

ПАРТИЮ СТУДИОМКИ ТАНЦУЕТ ТАТЬЯНА КВАСОВА.

сти его отделили друг от друга злодеем, судьбам людей, целыми главами истории музыкальной культуры...

«Русская балетная школа» и «Танцы народов мира», «Музыка Стравинского» и «Жанровые малютки балеты», «Скульптура Родена» и «Зарисовки жизни» [по произведениям Франсиско Гойи]— вот темы, над которыми в течение года работали Леонид Якобсон и его ученики.

Рабочая репетиция в этом театре необычна: здесь не только отрабатывают технику танца, но рассказывают о судьбах музыкантов, художников, скульпторов, пытаются проникнуть в психологию творчества людей, чьи образы воссоздаются сегодня.

Главный смысл бесед, дискуссий, жарких споров—найти свои рисунки танца, не повторяющий прежние классические решения, сказать новое, свое слово в хореографии.

В 1929 году упоминающийся артист балета Леонид Якобсон выступил в журнале «Рабочий и театр» со статьями, призывавшей искать новые формы работы с театральном молодью.

«Дорогу молодым на пути хореографического творчества!»—этому девизу свое место в жизни статьи балетмейстера первой и второй Иониды из 55 солистов молодого балета [здесь, по словам хореографа, «все солисты, все первые»] имеет право на поиск, на свое прочтение музыкальным классиком. Это—первое и главное условие работы в ансамбле «Хореографические миниатюры».

...Прозвенел третий звонок, Медленно раздвигаются занавес. Взлетают под потолок музыкальные анжорды. За кулисами в тишине слышен негромкий голос Якобсона:

— Начали трудиться!

Примечные слова испугуют де-батов перед выходом на прославленную сцену. Это точно в репетиционном зале: «Начали трудиться!» Полное огня, задора и изощрения праздничное зрелище, который всегда бросит в эти анжорды зрителя, прежде всего гигантский труд...

Единство в многообразии жанров, тем, интонаций, решений пластических образов — вот старыми спелыми тактами молодого балета, в каждом отделении, в каждом номере которого ощущается полное сплывание музыки и хореографии. Это единство присутствует даже в тех «хореографических микротелестях», которые композиторам явно не предназначались для театрального исполнения...

...Первое отделение спектакля называется «Классицизм, романтизм». На нахлыт глаза оживает в «младенца» музыка Россини. С соединением несомненным пластическим воспроизведением музыки Моцарта знакомит номер «Полет Тальони», безукоризненно знаменитый балет, ставший ролик. Симплет и богатая фантазия постановщика, изобретательность в разработке мотивов танца рождает новый, несомненно наив обр-едения Леонида Якобсона в чем не повторяет создание Михаила Фокина».

...Второе отделение чередуется в миниматрор. Рядом с полными лиризма «самолетостями» «Классицизм» — цикл малых жанровых балетов.

На сцене «Бродячий цирк». Музыкальное произведение Игоря Стравинского. В спектакле «Хореографический ансамбль» — музыка старинного, заповуванном рассказом о судьбах людей. Персонажи «Бродячий цирк» вводят нас в сложный мир искусства пантомимы, переводя на русский язык те же самые образы, но и свое понимание драматических образов.

А есть ли в молодом балете по-настоящему крупные дарования! Ну, конечно, новый Якобсон! Думаешь, сейчас на этот вопрос не согласится никто ответить и сам хореограф, знающий своих учеников лучше, чем любой пронаблюдатель критик. Тем не менее дебют показал нам много талантливых людей. И это потому, что Леонид Веняминович Якобсон считает театр (но выразимо своих учеников), исходя не только из музыки, но и из интереса мидиануэстности.

Один из наиболее значительных номеров балетного спектакля — триптих «Феден» («Скульптура Родена» на музыку Дебюсси слово удерживают бессмертной пушкинской формулой: «Любовь — мольба»). Эта мысль пронизывает ожившие в танце скульптуры великого ваятеля — «Вечная весна», «Фощепия», «Вечный владыка. Три ожившие скульптуры — три жанра чувства».

...Когда материал готовился к печати, из Ленинграда пришла поправка: не девять, а десять программ в творческом портфеле театра-детей-танца. Совсем недавно ленинградцы познакомились с новой программой под названием «Экзерсис-КК». Это необычный балетный урок, рассказывающий о богатом лексиконе современного искусства Меллыномы. Урок, на котором и учитель и ученики «иссичают театр...». Другими словами, это пополнение в пластических образах credo балетмейстера и его юных товарищей: «Только вперед!» Творчество не пропадет остановка!

Публикации «Смены»

Павло ТЫЧИНА

"КАК ЮНОСТЬ ТЕБЕ БЛАГОДАРИА..."

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Когда мы называем имя какого-либо поэта, в нашем сознании, в нашем сердце тогда же возникает и его облик и заодно с этим его крылатые строки, ну хотя бы две строчки, слово...

«История моей жизни составляет часть истории моей родины» — эти слова принадлежат Тарасу Шевченко. Их мог бы повторить и Павло Тычина. Правда, в таком случае речь пойдет о совершенно иной эпохе в истории Украины. Шевченко жил и творил в эпоху крепостничества. Тычина первые двадцать шесть лет жил во времена царизма, он молодым человеком встретил революцию и целых полстолетия жил и творил при Советской власти. Выходит из народных знамен, уроекель села Песня, что на Черниговщине, он возшел на высоты культуры и почитается народным поэтом Украины.

Жизнь его (1891—1967) полна поэмы и напряжения. Буря, духовная семинария, нужда, бедность... С малых лет Павло Тычина полюбил книгу, искусство, науку. Он учился в институте. Но всего более он преуспел в самообразовании.

Изучал языки, историю, историю литературы, музыку, ритмику хореографией. В 1918 году вышла первая книга его стихов, а в 1929 году имя его было столь известно во всем мире, что он избирается в число академиков. Поэт, переводчик, драматург, публицист, на протяжении нескольких десятилетий своей жизни он содействовал произведениям, вошедшим в золотой фонд советской литературы.

Он жил с веком народности. Его поэзия многообразна. Это лирика и эпические поэмы, песни и философские сказы, исследования и речи, послания друзьям и гневные филиппики, направленные против врагов нашего общества.

Чем сегодня интересен Павло Тычина? Он динамичен. Его мысль беспоконна, а слово его стремится быть сложным в духе Тычина: над дух стихотворений, написанных в одном ключе. Каждая его новая вещь изобретательно нова. Вот почему наиболее пытливые из молодых людей бурят как астафету его новаторский принцип.

Стих Тычины певуч и живописен. Мы слышим переводы его голосов. Эта непринужденность поэтической речи — тайна, которую сейчас стремится постигнуть украинская поэтическая молодежь.

После смерти поэта в его архиве найдено большое количество произведений (лирика, поэмы, статьи, дневниковые записки, переводы), о которых можно с уверенностью сказать, что они обогащают наше представление о Павле Тычине. Он не переставал творить. Всегда творил...

До недавнего времени самое раннее стихотворение Павла Тычины датировалось 10—11 годами нашего века. Теперь в архиве найдено стихотворение, помеченное 1907 годом (о лето начинаются наша подборка в этом номере). Итак, 1907—1967 — такой временной диапазон творчества Павла Тычины. Полных шесть десятилетий! Огромная эпоха!

В этом номере «Смены» дается публикация малоизвестных и вообще не известных стихотворений Павла Тычины.

Лев ОЗЕРОВ

П. Тычина.

Рисунг А. ДОВЖЕНКО

СМЕНА
 № 7
 1967

— Чего командуешь, зй! — зычно сказала ему Пискуненко. — Подумай, расчумлею. Не на собрании! Слышала я, как ты там агитировал.

Петров озадачено помолчал.

— Какого черта, Пискуненко? — спросил он наконец. — Зачем ты меня сюда привел?

— Во-первых, называя меня по имени, — сую сказать Пискуненко. — А во-вторых, рано еще домой собираться. Потанцевать ты разве не хочешь?

— С ума сошла! — искренне удивился Петров. — Какие танцы! И с кем!

— Да хоть со мной! — Пискуненко взглянула на него вызывающе.

— С тобой мы еще танцуем.

— Вот я всегда говорила, — обиделась Пискуненко, — что ты, Петров, бестактный человек. Ну, разве можно такие слова говорить женщине!

— Ты здесь и не танцев терпши.

— А здесь, — коротко объяснила Пискуненко и вдруг без всякого перехода вышла заморгала от слез.

— Не уходи! — зашептала она, схватив Петрова за локоть. — Ну, не сейчас! Ну, через полчаса! Ты мне очень нужен! Один только танец! Потанцуй со мной, а! Один только танец, и я тебя отпущу! Мне это очень нужно!

Петров попятился, растерявшись, попробовав высобудить локоть, но смог.

— Да что ты, Луська, да ты теб... — забормотал она. — Ну, не могу я, что ты, ей-богу... После того, что я там говорила...

— А зачем ты наговорила, зачем! — давясь слезами, шептала Луська. — Прости я тебя, прости!

— Нет, — туло сказал Петров и задумался. — Нет, не простила, это мое самодеятельство...

— Ну вот, ну вот... Не уходи, пожалуйста... Только один танец, прошу тебя! Больше у меня такого случая не будет, пойми меня, Петров, миленький! Один танец — и уйдеши!

— А ты... отнешься! — спросил Петров.

— А я останусь! Я не буду больше к тебе приставать, Петров, миленький, пожалуйста!

А зря с востока
рутен аэра возводит, —
не иначе — девушка
из воды выходит.

То была по пояс,
вышла — вся открылась,
взглядом улыбнулась,
бронзою покрылась!

Моему учителю И. П. Львову

Напрошено годы идут и идут,
и новые снова в пути поколенья.
У старшего — честно исполненный труд,
что передаи младшим без тени сомненья.

Заря занимается ветреных дней,
и в речке зарю повторяется лавя...
Как юность тебе благодарна, а в ней
любовь, выроста, учителя слава.

Да, год к нам придет и уйдет, как гость,
никто удержать его, право, не может.
Пройдет все на свете: и злоба и злость, —
но труд остается и дни наши множит.

Зачем этот грустный мотив на пути!
Пройдет все сроки, летучи и строги.
Хотя бы спросил: где лучше проити!
А может, и я бы догнал свои строки.

А там бы и сел я поужинать с вами.
— Мы сядем, — в ответ, — ну а там вот словами
стихов нам о нынешних днях расскажем,
о днях Украины скажи от души.

Пусть годы оставят в крови твою мету,
года не считай — не сплелся их путь.
Приветствуй живое, идущее к свету:
— Геронка — будь, и прекрасное — будь!

— Да гуляю же, пойми! Бессмысленно! Неужели из-за белобрыского?
— Пусть гулю, пусть бессмысленно! Прощу тебя, Петров, будь добрен-
ким!

Пискуенко плакала, цепляясь за Петрова, обнимала его, тыкалась ему в щеку мокрым лицом, и наконец он сдался.

— Ну, ладно, — хмуро сказал он. — Иди умойся.

С короткими аксиомам Пискуенко исчезла за дверью ванной. Петров обер-
нулся лицом к двери, достал сигарету и, прислонившись к косяку, отглотнул:
не видел ли кто!

В конце коридора, перебившись через плечо полотеце, стоял голый по пояс
Илья Ильич. Бесшумно ступая босыми ногами, он молча прошел мимо
Петрова, дернул за ручку дверь ванной, закрылся.

— Мешает спать? — любезно спросил Петров.

Илья Ильич внимательно посмотрел на него, не спеша с ответом. Потом
проговорил:

— Природой всякое бесстыдство ограничено, любое бесстыдство, любой
разврат сами себя изживают. Одно только подлость человеческая под это
правило не подпадает. Она себя не изживает: она себя плодит.

— Ты старый человек, — тихо сказал Петров. — Не стыдно вам счеты сво-
дить с молодой девочкой?

— А если она в мой дом змею прикармилась? — понизив голос, сказал
Илья Ильич. — Если она вокруг дочери моей обвилась? Если она соки из до-
чи моей соест, если на женика ее свой глаз положила? Это не подлость ли,
не злодейка границ!

— Черт их разберет, — грубо сказал Петров, — кто из них вокруг кого
обвился.

Иней

В пору юности росистой —
волос темен,
звонок голос.
Столько красок, столько линий!
А теперь
белеет волос,
словно серебряный
инея.
Сизый-сизый иней.

Что же. Верно все. Не ново.
Сердце, тыше!

Мне навстречу —
возраст змийный, быстротечный.
Помню.

Не перечу...
Мыслим ум сурово —
вечным.

Мыслим разум вечный...
Пусть виски и поседели,
но душа

не увядает!
И звучат в ней те же струны.

Чуть печально! — Кто их знает! —
Ведь и в стужу ели

юны,
зелены и юны...
Момент, я бречал на лире!
Пел бездумно,

тошно, сладко!
А народ пусть сам рассудит.
Пчелку любит

с полным вздохом.
Мысль движенье в мире
будит.

Мысль работу будит...
Тот, кому страшны метели,
радости, увы,

не знает.
Как сухой песок,
как дюны.

Сердце мне все напевает:
и змою ели
юны,
зелены и юны...

Веленья дня

В просторный мир искусства и науки
веленья дня вглядываются, как выгои.
Не серебри ты их, не золоти,
своим душевным светом освети.
Не просто злоба дня, а жизнь живая,
эпохи нашей поступи, грозная
берет за высоту высоту...
Твори в работе жизни красоту!

Люблю:

астрономии,
музыку,
женщин.

Астрономия возвышает.
Музыка оживает.
Женщина удивляет —
Взглядом, голосом, даже улыбкой, —
Женщина вечно рождает.

1922.

Сердца испытаны у нас в плавленом зное,
они замклены в борении, в борьбе.
И облик народ не озеро лесное —
огромный океан, вмещающий в себе

и мысли глубину, и весть о нашем веке,
и доблесть доброты, и гром, и тишину.
В него вливаются разрозненные реки,
и ветер гонит вдали белесую волну.

У нас горячие сердца, а их горячность
поддержана огнем живущих в нас страстей,
что яростно встают на алчность и на иррациональ-
ность беспечности, иссущая тьму смертей.

Все, что основано на власти сил грубой,
исчезнет навсегда. Но встанет в полный рост
еще человеческое, заботливо голубя
и трепет крыльев и мерцание звезд.

Перевел с украинского
Лев ОЗЕРОВ.

чешуй, фейерверк фальшивых изумрудов. Половину комнаты, причем лу-
щую половину, занял этот исползливый, размахистый вальс-бостон с коло-
кольчиками. В центре комнаты безучастно топтался коренастый атлет Петров,
а вокруг него залепанная и припухшая, бескаблучная и ликующая кру-
жила Пискуенко.

— Улыбайся, улыбайся! — громко шептала Пискуенко. — Ну, пожалуйста,
миленький!

— Улыбайся, улыбайся, — сквозь зубы отечал Петров. Это для него, за-
кружившейся, все лица слились в одну розовую полосу, Петрову-то стлично
видны были и снисходительная улыбка Елены, и поднятая бровь Алика, и перекосившейся от злости лице Белобрыского.

— Как вас много! — сказала Елена, отступая к самой стене.

И когда Пискуенко упрямо вжималась на кровать и, вытупив из рук
Петрова, тут же поспешно принялась поправлять обними руками покусившуюся
на голову плетеньку, Елена первая залопала в ладоши, подвывая пример
оставшим.

«Иди, иди», — показала глазами Пискуенко. В зухах у нее были шпильки,
она была счастлива.

Петров сделал общий поклон и пошел через комнату и вошла. Елена
вышла его проводить.

— Как вы догадались? — сказала она, всплеснув руками. — Это иже?
— Как вы догадались? — машинально спросил Петров, обмывавая вокруг
шея шарф.

— Так вы же из-за меня сюда пришли! — лукаво сказала Елена. — Прощай-
те, одиный разрушитель миров. Желаю удачи в следующей попытке!

Петров вышел на улицу, поднял воротник: все еще моросило. Решитель-
ным шагом перешел через пустынную улицу. Увидел на углу телефон-авто-
мат, замедлил шаг, рука сама напущала в кармане двухкопеечную монету.
Остановился, потоптался на месте, попутная шепотом: «К черту! и чертун!
Вошел. Трубка была свободна. Минуту Петров стоял в остолебнении, потом
опустил монету и начал медленно набирать номер, повторяя про себя каж-
дую цифру.

Игорь ОБРАЗЦОВ,

Владимир ЧЕШВИЛИ и
Анатолий БОЧИНИН (фото)

ДУЭЛЯНТЫ НА ПОЛЕ БОЯ

Начну со слов Сирано де Бержерак во время его дуэли с Вальвером. Он авт своей монолог под перестук шпаг:

Вы начинаете с атак?
Мой петушок, вы слышим пылки.
Я вас остановлю.
Вот так! Вот так!
А поладу — в конце послыши.

Хотя и старомодно, по понятиям современного фехтовального боя (как-никак, писал эти строчки Ростан давененко), но как все верно!

Один из «мушкетеров XX века», Давид Тышлер, заслуженный мастер спорта, известный советский мастер клинка, в свое время ставил в одном из московских театров дуэльные сцены в спектакле «Сирано де Бержерак». По его словам, спортивная эрудиция Ростана вполне привлекала даже для мастеров высокого международного класса.

В прозе поединок Сирано и Вальвера выглядел бы примерно так. Вальвер без разведки пошел вперед, но Сирано был начеку и спокойно отразил нападение. Затем следует несколько ложных действий нашего героя, он как бы приглашает соперника: коли! — а сам весь внимание, его защита безукоризненна, так что уязв партнеру приходится искать путь к спасению. Не дав Вальверу опомниться, Бержерак начинает подготовку решающей атаки...

Стоп. Это уже похоже на строчки самого обычного газетного репортажа о фехтовальном турнире. Попробую все же доказать, что в современном фехтовании романтики, драматизма и красоты не меньше, чем во времена гаскионцев.

Правда, совсем недавно, летнадцать лет назад, мушкетерской романтике был нанесен ошутимый удар. В законы, освященные веками, вмешалась электроника. Бойцы привязали себя, в буквальном смысле этих слов, к электрическим аппаратам, и вместо маневренных французских команд ход действия стали направлять безликий злон зумеров да безмолвное мигание разноцветных фонарей. Такой обиды не смогли стерпеть рыцари «дизлектрического периода» во главе с французом Кристианом д'Ориоля, знаменитым чемпионом мира. Поддали в отставку. Но, откровенно говоря, дело тут не в обиде.

Просто электрофиксаторы резко изменили весь облик фехтования — не только внешний рисунок боя, но и самую его суть. Бой стал тоньше и динамичнее, теперь нужна совсем иная, более виртуозная техника владения клинком. Фехтование стало истинно спортивным.

Сейчас от традиционной усложности этого дригкорнатического спорта не осталось ничего, кроме бесконечных покатов до защитных масок. Вышеуказанный фехтовальный поединок — синтез акробатики, шаха и сабля и боя.

Салто-мортаге, правда, еще никто не демонстрировал, но флики в момент отсуженной палочки защититься, уйти от острого чужого клинка или шпагата в короткий или длинный «остров» — обычные приемы из современного фехтовального арсенала.

Узнав однажды на дорожке Умара Мавлаханова, одного из самых блестящих наших мушкетеров, я вдруг понял, что он исполняет настоящий «танец сабли» — заразительный, темпераментный, удивительно музыкальный.

А некогда, который получил Марк Мидлер и его соратники в гилу жаркой рингостанции на турнире Тойниской олимпиады в 1964 году? Несомненно, самым легким бойцам без движения, и судье влору было открывать счет, да только нет в фехтовании таких правил.

Ну, а сравнение фехтовальной дуэли с шахматной партией, видимо, не вызывает сомнений ни у кого. Фехтовальщики, если это настоящие мастера, умеют мыслить на несколько ходов вперед, видят еще не осуществленный замысел партнера, его еще не совершенную ошибку. В этом заключается премудрость словесной и выходящей для просто го смертного фехтовальной тактики.

Наконец, стоит ввести все в курс дела, познать с основами спортивного фехтования. Игак, у фехтовальщиков три вида оружия: рапира, шпага и сабля. Рапира — самое легкое, самое излюбленное оружие. Недаром им владеют и женщины. Шпага — это уже посерьезнее, это почти настоящий дуэльный поединок. Здесь разрешены и столкновения и уколы во все части тела, кроме затылка, но защищенной маской. Ну, а сабля... Она, как и настоящая сабля, и колет и рубит, только вот весит в отличие от боевой не более 500 граммов.

Место, где проходят поединки фехтовальщиков, называется по-военному четко и просто: «поле боя». Кстати, на одной из фотографий вам доведется броситься в глаза табличка, на которой это поэтическое словосочетание звучит слишком уж по-земному — «поле боя № 3». Но, что поделаться, таковы требования правил.

У рапиристов и шпажистов поле боя укорочено, всего 12 метров, а вот саблистам есть где развернуться — 24 метра. Они действуют на значительном удалении друг от друга, и главное у них — быстрота действия и глубина передвижений.

Теперь хочу рассказать случай, который, уверен, по своему драматизму мало чем уступает даже самому захватывающему эпизоду из походовных героических повестей. Случилось это на Тойниской олимпиаде в 1964 году.

Зал «Васида», похороны из-за перегруженности всевозможными занятиями, представлял огромную лабораторию, притом, представлял грозу. Напряжения воздуха с каждой минутой фехтовального матча между рапиристами Советского Союза и Польши. Именно в этой встрече и был зафиксирован обоим сторонам Марко Мидлера и полкиа, экс-чемпиона мира Рышарда Паульсково. Вслед этим боям состоялся последний, решающий поединок между Юрием Сисининым и поляком Эдвардом Брамом. За два дня до этого ставшим олимпийским чемпионом в личном турнире.

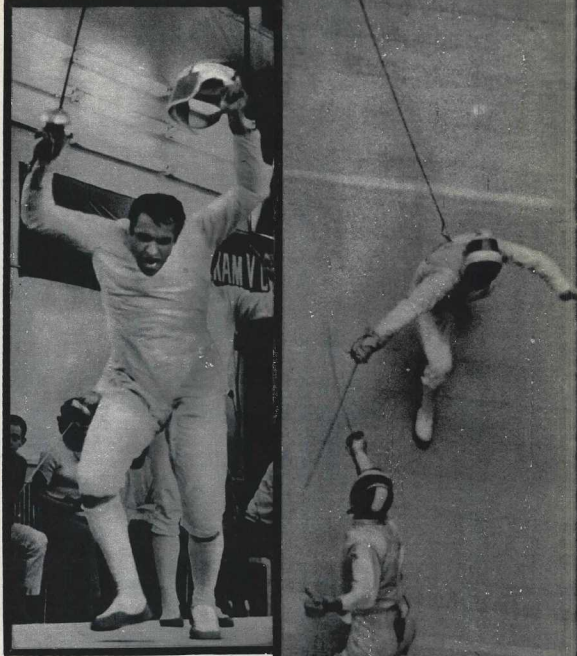
Сисинин, человек необычайно одаренный, как и многие талантливые люди, относился к своему богатству несколько легкомысленно. Это обстоятельство довольно отчетливо и на его фехтовальной почве. Легкий и стройный, он приходит на турнир, словно на праздничный бал. Рассказывая об него разговор о «деде», о боях и соперниках. Он выскочил на дорожку, подарившая партнеру шуточными, шумно воспевающим и шумно, хотя и неадекватно, негодую. Виктор Андриаш Арнаудов, экс, самый выдающийся наш авторитет в фехтовании, сказал однажды со своей речью: «Сисинин, скажи перед ними забор, то Мидлер найдет щелочку». Мидлаини — калиточку. Сисинин перепугает, а Савинишова пробьет его».

Такой «забор» в этот критический момент Юрием Сисининым не был построен, и он стал олимпийским чемпионом. Из карты было поставлено невыразимо многое — все, ради чего и шла спортивная гонка, а иногда и все жизнь. Кандиду нужно на была в этом бою лишь победа тогда был это нововведи, золотые олимпийские медали. Франца был, как говорится, в ударе, за минуту до окончания времени, он выскочил на ринг, но никак не добился преимуществ, которое выразилось в счете 4:2 — по существу, это была уже победа.

Но спустя минуту Герман Савинишова товарищ по команде, выскочил на дорожку с каким-то папуасским кличем, вскричал тому на слуху и в воздухе, и начался завал над ним. Тем же боевую куртку. Между прочим, очень крепкую куртку, прозванную металлической сеткой.

Случилось невероятное. За оставшуюся минуту Сисинин нанес подряд три безответных укола, и все было кончено. Так микротонные секунды решили судьбу самого почетного в спортивном мире титула.

Советская команда рапиристов установила своеобразный мировой рекорд, восемь лет подряд удерживая за собой пальму мирового первенства. Это была знаменитая команда — Герман Савинишова, Виктор Жданович, Марк Мидлер и Юрий Сисинин. Каждый из четверки — живая история нашего фехтования. Самый старший из «золотого квартета» — Мидлер — впервые пришел в фехтовальный зал еще в 1943 году. Был он участником первой для советских спортсменов Олимпиады в

Хельсинки. В те годы наше фехтование еще не могло серьезно конкурировать со старыми, имевшими богатые традиции французской, венгерской, итальянской школами. Мидлер был егловской команды, ее капитаном. А «мотором» считался Герман Савинишова. В 1965 году он был признан самым результативным из советских мастеров клинка за все время их выступлений на чемпионате мира. Савинишова покинул дорожку совсем недавно, в ранге одиннадцатирингового чемпиона мира. Виктор Жданович — самый техничный из рапиристов всех времен, излюбленный и благородный рыцарь, Атос нашей четверки мушкетеров. Именно ему выпала честь стать первым среди советских фехтовальщиков олимпийским чемпионом. Было это в Риме, в 1960 году.

А самую первую медаль имеет в своей домашней коллекции Лев Кузнецов, саблист, ныне известный тренер, воспитатель чемпионов мира последних лет. Кузнецов привез в 1956 год олимпийскую бронзу «мелбурнской» олимпиады. С него и началось время побед нашей фехтовальной школы.

Что же было раньше? Раньше быдали и такие времена, когда вполне серьезно обсуждали, зачем нам фехтование — «паркетный спорт». Сорюк лет назад первые показательные бои фехтовальщиков были проведены в Москве, а ЦТКО имени Горького. Промчался бурные времена дуэлей «классиков», хранителей традиции, и «новаторов», метавших об электрификации фехтования, годы упорной учебы, когда в благородной роли учителей выступили венгерские законодатели фехтовальной моды.

Только после всего этого и начались «золотые времена».

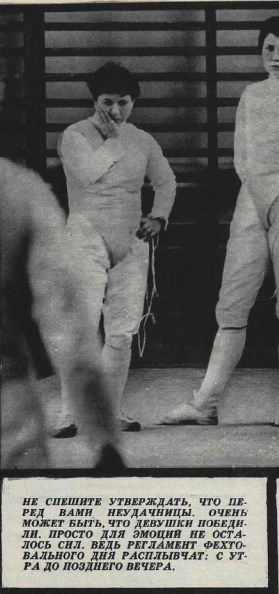
Познакомьтесь с человеком, выступавшим все эти годы в единственной роли — старшего тренера сборной команды страны. Лев Сайчук, пожалуй

единственный в своем роде тренер: пятнадцат лет подряд руководит он сборной СССР. Понятно, что посту сильным, грамотным специалистом на этом посту быть недостаточно. Надо быть личностью — незаурядной, волевым, дальновидной. Сайчук пришла в фехтование с... баскетбольной площадки, где считался известным мастером, чемпионом страны. Играл он за московский «Динамо». Оказавшись в руки клином, и скоро стал чемпионом. Я не знаю, правильно ли вообще поступил Сайчук, выбрав путь спортсмена. Видимо, с таким же успехом он мог сделать себе имя в живописи или в музыке. Но и живопись и музыка так и остались для Сайчука просто увлечением, хотя и вполне профессионального уровня. Для Сайчука — дилемма большого фехтовального ансамбля. Он откодал от работы тренера-практика а ушелб своему стиладу характера экспериментатора, зато он создал сборную, небывалую по яркости.

К сожалению, фехтование — вид спорта, который часто называют незрелищным. Вот почему, видимо, не каждый из нас может сказать: «Я видел, как фехтует Рылский, Жданович, Никанчиков». Согласен: фехтование не бестселлер спорта, его дано прочесть не каждому. Публики на турнирах современных мушкетеров немного. Но зрелищ спортивного в фехтовании не меньше, чем (да простят мне мою смелость!) в футбол.

РАЙРА, СЛОВНО АНТЕННА, ПРОШУБЛАЕТ ПРОСТРАНСТВО. СНАЧАЛА РАЗВЕДКА, ПОТОМ АТАКА.

К КАКОМУ ИЗ СЦЕННИЧЕСКИХ ЖАНРОВ ОТНЕСТИ ФЕХТОВАНИЕ? ПЕРЕД ВАМИ СЦЕНКИ, ВЫБЛАЧЕННЫЕ ИЗ САМОЙ ЖИЗНИ: ГОРЕ ПОБЕЖДЕННОЙ, СЧАСТЬЕ ПОБЕДИТЕЛЯ.

НЕ СПЕШИТЕ УТВЕРЖДАТЬ, ЧТО ПЕРЕД ВАМИ НЕУДАЧНИЦЫ. ОЧЕНЬ МОЖЕТ БЫТЬ, ЧТО ДЕВУШКИ ПОБЕДИЛИ. ПРОСТО ДЛЯ ЭМОЦИИ НЕ ОСТАЛОСЬ СИЛ ВЕДЬ РЕГЛАМЕНТ ФЕХТОВАЛЬНОГО ДНЯ РАСПЫВАЕТ: С УТРА ДО ПОЗДНЕГО ВЕЧЕРА.

я встретил его с сыном. Рылского распырала гордость за своего Володюку, пошедшего по стопам отца: «Поздравь нас. Попали в финал первенства Москвы среди юношей».

Как вы знаете, фехтование давно уже перестало быть уделом мужчин. Среди восьмидесяти олимпийских видов программы два отдают женщинам. Женщины в костюме фехтовальщицы! Не абсурд ли это? Ну, еще допустимо, чтобы женщина была стрелком, даже наездницей. Но что такое «дуэль по-женски»?

Женщины стали участницами мировых первенств в двадцатых годах нашего века — как видите, намного раньше, чем в других видах спорта. И, бесспорно, одной из самых блестящих фехтовальщиц за эти полвека надо признать Александрию Забелину. Впервые в советском фехтовании стального клинка (включая и мужчин) стала чемпионкой мира. Это было в 1957 году на ридинг-мушкетерах — в Париже. Забелина приехала сее врожденное муство красоты с риманистического помысла, где начала свой путь в спорте, на факельную дорожку. Ее почерк отличился сразу: легкость, изящество, выдержка, умение работать с волновыми упражнениями в гимнастике. Но в то же и дело, что Забелина фехтует как раз по-мужски, очень словно комбинирует. Вот такне надухщелся протренировка и стало главным ее оружием.

Самая молодая из чемпионки мира и Олимпиады в советской сборной — Елена Белова. Она выработала своего самового, сверяемого в фехтовании. Ее стиль парадоксален: изящество и своеобразный прессинг, высокая техничность и тонкий психологизм.

Своей иная Галина Горюкова, тоже многократная чемпионка мира. Считается, что она самый икусный тактик в нашей женской команде. Но одной тактики она не выдумала бы сама. Вспомните, например, на паринском первенстве 1966 года. В одном из решающих поединков, когда Галина была уже в одном шаге от золотой медали, случился несправедливый: Горюкова получила неожиданный занос в руки. Бой был прерван, врач наложил швы. Никто, конечно же, не осудил бы ее, когда она с дорожки. Но надо знать Горюкову, ее самоотверженность, чтобы предположить, как она могла поступит. Дело здесь не только в высокой мадерской чувстве ответственности, а в безусловном мустве. Горюкова так глубоко уходит в единоборство, что забывает обо всем на свете. Она видит перед собой только одну цель — достижение победы. Вот и тогда она вслорне вновь уже была на дорожке, а еще через несколько минут ее провозгласили первой раинрой мира!

К слову, Горюкову все время преследует канюбто злой рок. На недавнем первенстве в Вене, отлично начав финальные бои, наша лучшая Фехтовальщица, по милости технического дикторатора, была снята из спортивного ведения борьбы. История этого беспрецедентного решения такова.

За время выступлений на мировых первенствах и международных турнирах советские фехтовальщицы из опытных новиков превратились в безусловных лидеров. С каждого чемпионата они привозят половину золотого запаса медалей, а то и больше. Так, скажем, из Монреала в 1967 году они привезли шесть золотых наград из восьми возможных! Своего рода мировой рекорд.

Эти успехи не дают покоя кое-кому из руководителей Международной федерации фехтования. И они делают все, чтобы хоть как-то принизить успехи советских мастеров. Наши фехтовальщицы уже с первых дней венского первенства 1971 года почувствовали на себе это давление. Особенно удоставали арбитры, судившие поединки на саблях — единственном виде оружия, еще не ставшем электрифицированным, а поэтому целиком отданном во власть судебного мнения, объективного или превзвотного. Но тем не менее одному из наших бойцов — заслуженному мастеру Виктору Сидяку — удалось все же подняться на пьедестал почета.

Вот тогда и было решено любым способом помешать Горюковой занять высшее место. Специально собранное апелляционное бюро чемпионата проголосовало за снятие Горюковой с финала личного турнира... Правда, это мало что изменило в расстановке сил на международной арене. Советская сборная, несмотря ни на что, и на этот раз завоевала половину золотых трофеев.

А Горюковой между тем продолжало отчаянно не везти. В самом последнем бою финального турнира, когда наша женская команда уже обеспечила себе звание чемпионки мира, Галина в одной из атак получила тяжелую травму ноги. Наши ребята унесли ее с поля боя на руках. И тогда девушки стали на пьедестале почета, один из выношеных дисквалификации Галины Горюковой, председателя технического дикторатора французского Мерсье, вынужден был признать великолепное мастерство и необыкновенное муство советской фехтовальщицы.

Я не случайно заканчивая эти заметки рассказом о несправедливой обстановке на первенстве 1971 года. Ведь следующий год — олимпийский, а фехтование на весах олимпийских игр — вид спорта очень важный. Как-никак, восемь золотых медалей... Знать, что на Олимпиаде 1972 года будет, как никогда, жарко.

ЗАПОВЕДИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Клиффорд САЙМАК

РОМАН

5

В «Синьих и Синьках» было темно, душно и над-но. Между тесно составленными столиками оставались лишь узенькие проходы. Мерцали дрожащие огоньки свечей. Ныкшик зал был заполнен разнополосым гулом, все посетителям говорили разом, перебивая друг друга.

Максвелл приунылся, стараясь высмотреть свободный столик.

— Пожалуй, — сказал он, обернувшись к Корол Хэмптон, — нам лучше пойти куда-нибудь еще.

— Сейчас к нам кто-нибудь подойдет и укажет столик, — ответила она. — Наверное, большой на-залы — официанты совсем сбавили с ног... Силь-вестри! Немедленно прекрати! Извините его, пожа-луйств, — добавила она умоляюще, обращаясь к о-дьяму, сидящему за столиком, возле которого они стояли. — Он такой невоспитанный! И особенно не умеет вести себя за столом. Хватает все, что уви-дит!...

Сильвестр мурмыкал и облизывался.

— Пустяки, мисс, — сказала безобидный боро-дучь. — Я, собственно говоря, и не собираюсь есть.

Просто у меня привычка заказывать бифштексы. — Пит! Пит Максвелл! — закричал кто-то в даль-нем конце зала.

Приунывшись, Максвелл разглядел в полура-ке, что ему машет руками какой-то человек, уско-нившийся из-за столика в угол. Потом он узнал его. Это был Алле-Оп, а рядом с ним маячила белая фигура Духа.

— Встретил друзей? — спросила Корол.

— Да, по-видимому, они приглашают нас за свой столик. Вы не возражаете?

— Это неандерталец? — спросила она.

— Вы его знаете?

— Видела несколько раз. Но мне хотелось бы с ним познакомиться. А рядом Дух?

— Они неразлучны, — объяснила Максвелл.

— Ну, так идите же!

— Мы можем просто поздороваться, а потом отойти куда-нибудь еще.

— Ни в коем случае! — воскликнула Корол. — По-моему, это очень интересное место.

— Вы не бывали тут раньше?

— Не осмеливалась, — ответила она.

— Ну, тогда за мной, — сказал он и начал медленно пробираться между столиками. Девушка и тигренок следовали за ним по пятам.

Алле-Оп выскочил в проход, заперев Макс-веллу, бурно закричал его в объятия, потом взял за плечи, отодвинул и начал всматриваться в его лицо.

— Ты же в самом деле старина Пит? — спра-сид он. — Ты нас не морочишь!

— Да, я Пит, — ответил Максвелл. — А кем еще я могу быть, как, по-твоему?

— В таком случае, — сказала Оп, — кто мы хо-рошая три недели назад, в четверг? И я и Дух оба были там. И ты должен нам двадцать ми-нут — ровно столько стоил венок, который мы прислали.

— Давайте сидеть, — предложила Максвелл.

— Опасаться скандала? — осведомилась Оп. — Но ведь это место для скандалов и создано: каж-дый час по расписанию завываются кулачные бои, а в промежутках кто-нибудь хлещет на стол и разражается речью.

— Оп! — сказала Максвелл, — со мной дама, так что ты укротись и цивилизуйся. Мисс Корол Хэмптон, а эта стоевшая дубина зовется Алле-Оп.

— Свистави познакомиться с вами, мисс Хэмп-тон, — сказала Алле-Оп. — Но кого я вижу! Сабле-зубый тигр, с мостом мне не спит! Помните, был случай, когда я и бурый уткался в лесу, да уже слезла такая вот киска, а при мне निकоло-то оружие, кроме тупого кремневого ножа. По-нимаю, палца у меня сломалась, когда я по-пострела медведя, и...

— Доскажишь как-нибудь в другой раз, — пере-била Максвелл. — Может быть, мы все-таки сядем? Нам очень хочется есть и вовсе не хочется, что-бы нас вышвырнули отсюда.

— Пит, — сказала Алле-Оп, — быть вышвырну-тым из этой забегаловки — весьма большая чes-та. Ты можешь считать свое общественное положе-ние упрежденным только после того, как тебя вы-хнут отсюда.

Сидяко, продолжая вернуть себе всю, он все-таки напылился к своему столику и галантно поподинул стул Корол. Сильвестр устроился между ней и Максвеллом, положив подбородок на стол и недовольно уставился на Алле-Оп.

— Этой киске я не нравлюсь, — объясня Оп. — Возможно, она знает, сколько ее предков я по-истребала в добром старом каменном веке.

— Сильвестр всего лишь бифшек, — объяснила Корол, — и винно звать не может.

— Ни за что не поверю, — сказала Оп. — Эта жи-вотина — никакая ни бифшек. У него в глазах видна самая что ни на есть типичная саблезубая подлость.

— Покажустика, Оп, уймись, на минуту, — пере-быв его Максвелл. Мисс Хэмптон, позвольте представить вам Духа, моего очень старого друга.

— Мне очень приятно познакомиться с вами, мистер Дух, — сказала Корол.

— Только не «мистер», а просто Дух, — попра-вила тот. — Я ведь, Дух, и больше ничего. И самое ужасное заключается в том, что я не знаю, чей, собственно, Дух. Очень рад познакомиться с вами. Так уютно сидеть за столиком четвергом. В цифре «четыре» есть что-то мирное и уравновешенное.

— Ну, — объясня Оп, — теперь, когда вы пре-знакомились, давайте перейдем к делу. Вышел! Ужасно противно пить в одиночку. Конечно, я люблю Духа за многие его превосходные каче-ства, но не первобытно нехорошо.

— Ты же знаешь, что я не могу пить, — влох-нул Дух. — И есть не могу. И курить. Возможно-

сти духов весьма и весьма ограничены, но мне хотелось бы, чтобы ты перестала указывать на это всем, с кем мы знакомимся.

Он повернулся к Кюрол.

— Вы, кажется, удивлены, что варвар-неандерталец способен пользоваться так крошечными и свободными, как и я?

— Не удивлена, а потрясена,— поправила Кюрол. — Он,— сообщила ей Максвелл,— за последние дни делал десятки сотен таких крошечных знамен, какое обыкновенному человеку и не снится. Начав с программы детского сада в буквальный смысле слова, а сейчас работает над докторской диссертацией.

Он подмакнул руку и замалел официанту, призывая его молчаливо голодом.

— Сюди!— крикнул он.— Здесь есть люди, которые хотели бы обладать твоими весами за каких-то бесценок.

— Больше всего меня в нем восхищают,— заметил Дух,— его застенчивость и скромность.

— Я продолжал учиться,— сказала Ол,— не столько из стремления к знанию, сколько ради удовольствия наблюдать опаривающиеся выражения на лицах педагогов-преподавателей и дураков-студентов. Впрочем,— повернулся он к Максвеллу,— я отнюдь не утверждаю, что все преподаватели обязаны полагаться на меня.

— Спасибо!— сказала Максвелл.

— Есть люди,— продолжал Ол,— которые по-видимому, убеждены, что неандерталец— глупая скотина и ничтожество. Ведь, что ни говори, а он, в отличие от нас, не смог выдержать борьбы за существование, в чем усматривается прямое доказательство его безнадельной второстепенности. Боюсь, я в дальнейшем буду посвящать мою жизнь опровержению.

Рядом с Олом возник официант.

— А это опять вы!— сказал он.— Можно было сразу договориться, как только вы привелись на место. Вы не нервничаете, да?

— С нами тут сидит человек,— сообщила ему Ол, пропуская мимо ушей оскорбительное утверждение,— который вернулся из страны теней. По моему мнению, он достоин уважения, потому что воскресные викариальские друзья.

— Насколько я поняла, вы хотели бы чего-нибудь выпить?

— Нет, почему же,— осведомился Ол,— вы прямо не привели бутылку хорошего пива, а всего лишь два и четыре... нет, три рюмки?

— Насколько я поняла,— сказала официант,— когда я приволоку сюда бутылку, у вас не будет чашки, в нее заливается пиво, как ожидается.

— Если я обману ваши ожидания,— объявила Ол,— мы обратимся к старине Питиу.

— К Питиу?— переспросил официант и, посмотрев на Максвелл, воскликнул:— Профессор! А я слышала, что вы...

— Я вам уже битый час об этом толкую,— перебила Ол.— Потому-то мы и президиум. Он восстаивает гроб.

— Но я не понимаю...

— И незачем,— сказал Ол.— Нес-ка выпляну, а больше от тебя ничего не требуется.

Официант убежал.

— А теперь,— сказала Дух, обращаясь к Максвеллу,— пожалуйста, объясните нам, что вы такое. По-видимому, вы не дух, или же процесс их изготовления значительно улучшился с той поры, когда вы только-только предстали с сбросив бременную оболочку.

— Насколько можно судить,— начал Максвелл,— перед вами результат развождения личности с душой, а именно, сама жертва несчастного случая и умер.

— Но это же невозможно!— возразила Кюрол.— Психическое развождение личности— это то, что ищут, чтобы физически.

— Ни на земном, ни в небесах нет ничего невозможного,— объявила Дух.

— Цитатка-то заезженная!— заметил Ол.— И к тому же ты ее переверла.

— Она привнесла энергично скрести волосатую грядку короткими, тупыми пальцами.

— Не гадайте на меня с таким ужасом,— сказала он Кюрол.— Зуд и больше ничего. Я дитя природы и поточу немому. Но я отнюдь не бою. На меня никто не пошел.

— Его vogliono ходить на двух ногах,— заметил Максвелл,— но только не более того.

— Вернемся к развождению вашей личности,— сказала Кюрол.— Не могли бы вы объяснить нам, что это такое?

— Я отправилась на одну из планет системы Эвотоя Шкура, а в пути моя волонья схема как-то образом сдублировалась, так что я прибыла одновременно в два разных места.

— Хотите сказать, что возникло два Питера Максвелла?

— Вот именно.

— На моем месте,— сказала Ол,— я подала бы на них в суд. Этим транспортникам даже убийство по духу сойдет! Ты можешь даже идти их хоронить в долину. Выговещь симпатичными меча и Духом. Мы ведь не знаем их имен, да? И вообще,— добавила он,— нам с Духом тоже следует предъявить им иск. За причинение моральных муч. Наш лучший друг лежит в гробу бледный и неподвижный, а мы сидим в соседних креслах.

— Нет, правда, мы очень горевали,— сказала Дух.

— Я знаю,— ответила Максвелл.

— Да, пожалуй,— сказала Кюрол.— По-моему, вы все трое относитесь к случившемуся как-то слишком уж легко. Один из трех друзей.

— Чего вы не хотите?— осведомился Ол.— Чобы мы звали «Аллагуи»? Или терриши галаз? Или отсылаемому чуху? Мы воттерид галаз, а теперь он вернулся...

— Но ведь их было двое, и один...

— Для нас их всегда было один,— сказала Ол.— И, пожалуй, так лучше. Нетрудно представить, какие неприятные недоразумения возникали бы, если бы было два Максвелла.

Кюрол пожала плечами.

— Тупую коммюни я еще не выдала,— сказала она.— Но, пожалуй, мы это нравится.

— Мне тоже,— объявила Ол.— Что ни говорите, а эта ваша цивилизация куда приятнее давних эпох. В моей жизни не было ни счастливого, ни несчастного. Из Института времени утратила меня сюда как раз в тот момент, когда несколько моих любящих соплеменников вздумали похулики сделать. Зима выдалась дождя и суровая, снег был очень глубоким, и дить совсем исцвела. К тому же кое-что из пламени имела на меня зуб— и не без оснований, не буду вас обманывать. Меня уже собирались трогнуть по зачатку и, так сказать, бросить в общей гроб.

— Канибализм!— с ужасом произнесла Кюрол.

— Естественно,— утеша ее Ол.— В те безкультурные перыблительные денки в подобной ситуации не только никто не обвиняет. Но, разумеется, вам этого не понять. Ведь вы ни разу не испытали настоящего голода, верно? Такого, чтобы кипка съела, чтобы совсем исцвотнух...

— Наиболее типичнейший аспект этой культуры,— продолжал он,— заключается в изоляции индив. В стирну у нас была челоропалость: ухладилась не только и сама, пока нас не начнут рвать, но и тех, кто с нами.

Подозрев официант и почти швырнул на стол бутылку и ведрок со льдом.

— Горитесь сейчас закатает?— спросил он.

— Ни убого, ни обману. Будем мы и закатываться в этой подозрительной харевне. Одно два тут наливаться, и совсем другое...

— В этом случае, сэр,— сказала официант и положила перед них стел.

Он поспался в кармане и вытаскил денки, Максвелл привинула бутылку и ведрок пожимке и начал накалывать лед в рюмки.

— Но мы же поужинаем!— сказала Кюрол.— Если Сильвестр не получит бифштекса, который вы ему обещали, я ничего не гарантирую. И ведь как терпеливо и благодарно он ведет себя, несмотря на все эти апатитные запялки!

— Не беспокойтесь, А я уже съел один из шапюна Максвелла.— Ссколько еще он способен их съесть?

— Непорочное количество,— ответил Ол.— В стае он ест и не впадает в истерику, зареветь уминало лоск. Я вам когда-нибудь рассказывала...

— Думно, что да,— поспешил сказал Дух.

— Но бифштекс был пережаренный!— запротестовала Кюрол.— А я люблю их с кровью. И к тому же совсем крохотный!

— Ол,— поприса Максвелл,— верни официанту. У тебя это отчаяно получается. Твой голод словно сошел на этой чаше.

Он камухнул ладонью рюмку и взревел. Потом подошла немного и снова взревела, но опять безрезультатно.

— Он меня ижигурет,— проворчал Ол.— А может быть, и не вонюче и не вонюче, а просто никак не различаю. Они для меня все на одно лицо.

— Не нравятся мне сегодняшняя публика,— сказала Дух.— Я ее рассматриваю по сторонам. Что-то нездоровит.

— А чем они похожи?— спросил Максвелл.

— Слаником моего слаников из английской литературы. Обычно они сюда не заходят. Звонят там сразу ирменщице и свертывающимися.

— Ты думаешь, из-за Шекспира?

— Возможно,— согласился Дух.

— Как-то неудобно, что вы остаетесь ни при чем,— сказала Кюрол, обращаясь к Духу.— Ну, пожайте коть бы!

— Пусть это вас не тревожит,— вмешался Ол.— Этот субъект навивается до розовых слонов одним душком свир. Он может толкаться по району. У него перед вами масса преимуществ. Например, он бесцветен. Духа ведь ничем не убьешь.

— Ну, не знаю,— сказала Дух.

— Вы не рассердитесь,— сказала Кюрол.— Пожалуйста, не стесняйтесь!

— Вы сказали, что не знаете, чей вы дух. Вы попутали как это правда?

— Это правда,— ответила Дух.— И поверите, весьма неприятная правда. Я чувствую себя крайне неважно. Но что поделается, забыли из Англии— это я, во всяком случае, знаю твердо. Но функция А я выполняю одного,— сказала Кюрол.— Вы не рассердитесь?

— Пожалуйста, не стесняйтесь!

— Вы сказали, что не знаете, чей вы дух. Вы попутали как это правда?

— Это правда,— ответила Дух.— И поверите, весьма неприятная правда. Я чувствую себя крайне неважно. Но что поделается, забыли из Англии— это я, во всяком случае, знаю твердо. Но функция А я выполняю одного,— сказала Кюрол.— Вы не рассердитесь?

— Пожалуйста, не стесняйтесь!

— У нас тут нет других духов,— сказала Максвелл.— Контакты, беседы, интервью— это сколько угодно, но ни один дух, кроме тебя, не захотел жить среди нас. Почему? Вы пришли, а нам?

— Он прирожденный аферист,— заметил Ол.— Всегда высматривает, чем можно поживиться.

— Ну, пожалуй!— возразил Максвелл.— Что, беседуешь с ним?

— Вы даете мне,— сказала Дух,— ощущение реальности.

В противоположном конце зала поспыналась какая-то женщина. Она обернулась, поспыналась на ну, но не смогла разобрать, что там происходит. Внезапно над одним из столиков возник человек и заел:

Вилл Шекспир, хороший мальчик, Эри Бивати не был грустителем, везелем.

Не давая проходу юбкам, Громко песенки орал...

Раздались возмущенные вопли и свист. Кто-то бросил чашку на пол, кто-то начал бегать по залу.

— К черту Была Шекспира!

И за слово взорвался. Летел на пол, стая, люди вскакивали на столы, пронзительно вопили, становились и стаскивали друг друга вниз.

Максвелл заметил кулак, неумоливающий у него в руку, увернулся и нанес удар в пустоту, иероглифы в том направлении, откуда повисла кулак.

На его первом промелькнула рюмка Ол, завершившаяся в воздухе, кулак, который привнес в чашу физиогномию, и кто-то попался по плечу.

В зачатку Максвелла угодил тяжелый предмет, летевший со значительной скоростью. Вокруг свалился на пол Максвелла дингалдас, стоял ижигурет Ол. Рюмка приземлилась в чашу. Кто-то ушел на него. Где-то в неизмеримой высоте раздавались динки звания Ол.

Максвелл вернулся сбросив ушанье на него тело и, пошатываясь, поднялся с пола. В его ло-котке впились сильные пальцы.

— Давай-ка выбираться отсюда,— сказал Ол.— Это может серьезно кончиться.

Кюрол, откинувшись, обмени рюмками сжигала затрвок Сильвестра. Тигренко стоя на задних лапах, молат передними по воздуху. Он утробно рычал, и его динные калки поблескивали даже в полу.

— Если мы сейчас же не вытасним его отсюда,— сказал Ол.— котик сам разободит себе бифштекс.

Он стремительно вытаснул, ухватил тигренка поперек живота, поднял его и прижал к груди.

— Это— обескураживающе,— сообщила Ол.— Тут где-то есть другой выход. И не забудь бутылку! Она нам еще понадобится.

Максвелл взял бутылку за горлышко.

Духа нигде не было видно.

— Я трус,— признался Дух.— Я не скрываю, что, стоит завязаться драке, и я превращаюсь в зайца.

— А вы кто единственный парень в мире, который не пьет и пальцем тронуть не может,— заметил Ол.

Они сидели вокруг квадратного шахтного стола, который Ол одмажал в приходе хозяйственной энергично— обескураживающе.— Обескураживающе. Кюрол отодвинула тарелку.

— Я умираю от голода,— сказала она,— но не в силах больше проглотить ни кусочка.

— Это— только вы,— отозвался Ол.— Взгляните на нашу кухню.

Сильвестр лаяла, свернувшись, возле очага. Обурок хлост был плотно прижат к заду, пушистые лапы прикрывали нос, уши ритмично подрагивали от спяющего дыхания.

— В первый раз вижу, чтобы саблеузбый носился до отвала, — сказала Оля.

Он взял бутылку и встряхнул ее. Она была пуста. Неадекватно встал, косолобо прошевел в угол, нагнулся, приподнял динерку в углу и психарил под него. Вытащил в стеновую банку и поставил ее в сторону. Потом достал еще одну и поставил ее рядом с первой. Наконец он с торжествующим видом извлек из теновой дырки бутылку.

Убрал банки в проломившее место. От спуска двери, вернулся к столу, открутил бутылку и начал развлекать ее содержимое по стаканам.

— Вы, ребята, конечно, пьете без ала, — сказала Оля. — Что жри разбавлять хорошему напиток! А к тому же ала у меня не было еще.

Он указал на динерку в полу.

— Мой тайник. Я всегда держу там бутылку-другую. На случай, если я, например, сплочно не могу зайти за алом в магазин.

— Из-за самой-тошноты лопи? — усомнился Дух.

— Ну, не из-за лопи, так из-за чего-нибудь другого, — сказала Оля.

— В жизни я так акусно не ужинала, — влознула Куроя. — Я никогда еще не жарила себе бифштекс на палочке прямо над огнем.

— У меня такое опупение, — сказала Максвелла, — что лучше не спрашивать, откуда вылезла эта идиотка. Ведь все мыские люди наверху быды закрыты.

— Быды-то быды, — согласился Ол. — Но есть тут один маиндигин, и на задней динерке там висела вот эта штука.

— Когда-нибудь, — сказала Дух — ты найдешь крупную неприятность.

Он покочка голый.

— Да алауно. Во немком случае, не а тот раз. Жизненно важная потребность. Нет, пожалуй, не то. Когда человек голоден, он имеет право на любую пищу, которую отыщет.

— Кстати, — повернулся он к Максвелле, — есть у тебя алауно?

— Сколько хочешь, — ответил тот. — Мне быды выписаны командировочные для поездки в Биотую Шкуру, и я не стреляю из них в грози.

Значит, на память, куда вы выйдете, я меня обратилась, как с густым — за алом. — Куроя.

— Примерно. Я так до конца и не разобралась, в каких отношениях я нахожусь с местными обитателями.

— Если быды принятые алауны?

— Принятые-то принятые, но вот алауны да, не знаю. — Он повернулся к Олу. — Сколько тебе нужно?

— Сотни должно хватить. Мясо, влозанная динер, и, конечно, оскорбленные чувства вашего динерника.

Максвелла достала бумажник, вытаскала несколько банкнот и протянула их Олу.

— Спасибо, — сказала неадекватно. — Считай за мной.

— Нет, — возразила Максвелла. — Сегодня уютноно я. Ведь я пригласила Куроя поужинать, хотя из этого так ничего и не вышло.

Сильнестр у ошата звенела, потонулся и снова уснул. Оля встала и спускала все четыре лапы сверху.

— А я все равно не верю, что эта киса биохиического происхождения. Салшук уж у не блестьт глаза, когда она смотрит на меня, — заметила Оля.

— Дело в том, — объяснила Куроя, — что в настоящее время они все еще не столько емки, сколько «био». Собственно говоря, в настоящее время биохиические институты просто создают те или иные живые организмы. Но вы, конечно, знаете.

— Ходят разговоры, — сказала Максвелла, — что где-то под замком содержится группа сверхлюдей. Вы бы инбид об это слышали?

— Да. Но ведь всегда ходят какие-нибудь страные разговоры.

— А самый удивительный побыв недавно я, — вспоминал Ол. — Мне шептун, что сверхтехнологички установили контакт с Сатаной! Так как же, Пит?

— Ну, возможно, кто-то и предпринял подобную попытку, — сказала Максвелла. — Ведь это просто направила.

— Неужели вы считаете, что Сатана и в самом деле существует? — удивилась Куроя.

— Конечно нет, — ответила Максвелла, — люди точно также же тоном спрашивают, неужели существуют гобаны, тролли и феи.

— И адуш, — вставила Дух.

— Конечно, вы говорите серьезно! — воскликнула Куроя.

— Нет, конечно, — ответила Максвелла. — Но я не склонен априори отрицать существование даже Сатаны.

— Это удивительный век! — заметила Оля. — Что,

несомненно, вы слышали от меня и раньше. Вы по-прежнему с сугвериями и бабушкиными сказками. Вы отыскиваете в них зерно истины. Однако мои сопереживания знали про троллей, гобанов и прочее. Но вы не знали, как все это выглядело, не новились на факты. Только позже, когда человек вышел из плевков дикарской простоты, начал вам утомлять это так, от отмыа факты, не выходя из рамок, как вы все это видели, не выходя из рамок правды. Поэтому он приникал приукрашивать факты и упрятал их в сказки, легенды и мифы. А когда люди размножились, все эти существа начали старательно от них прятаться. И хорошо сделали в свое время, потому что если бы там были таковыми, какими вы считаете их теперь.

— На мой взгляд, — сказал Дух, — этим вопросом стоило бы заняться Институту времени. Поскольку судя по моему мнению, так или иначе, можно назвать их приматами?

— Да, пожалуй, можно, — согласился Максвелла. — Приматов совсем много скалада, чем обезьяны и человек.

— Еще бы не дружить! — с чувством произнес Ол. — Гусные енотычки, и больше ничего.

— Я уверена, что когда-нибудь Институт времени возмется и за разрешение этого вопроса, — сказала Максвелла.

— Еще бы! — ответила Ол. — Я им только об этом и твержу и прилагаю надеждае описания.

У Института времени салшком много задала, и Максвелла и Максвелла салшком раздумных и однократно интересных облахах. Им же надо охватить все пропало!

— При полном отсутствии денег, — добавила Куроя.

— Мы салшком голос лояльного сотрудника Института времени, — объявила Максвелла.

— Но это же правда! — воскликнула динерка. — Исследования, которые проводят ваш институт, могли бы принести столько пользы другим людям!

Но разве другие институты выделяют на такие исследования необходимые средства? Я вам могу ответить: нет и не! Ну, есть, конечно, исключения. Которые, кстати, несли бы салшком раздумных, но так мало. Остальные нет. Они не хотят рисковать благополучием своих уютных мирков. Возьмите, например, историю с Шекспиром. Кажется бы, факты очевидны, структура доказательств бы разрабатывалась, узнав, как бы настоящим автором зти пьес. В конце концов вопрос о том, кто их автор, дебатировался несколько столетий.

Но когда Институт времени дал на него точный ответ, они только выжидали, а затем...

— И все равно наступит день, когда Институт времени получит в свое распоряжение все необходимые средства, — сказала Куроя. — Тогда он сможет выжить и развиваться задуном алауны, а остальные факультеты могут убраться ко всем чертам. Когда состоится прощание...

Она незаметно умылка и салшком окамелла. Кажалось, только колоссальным усилием воли она удержалась от того, чтобы захватить себе алауноу рот.

— Какая продалая! — спросила Максвелла. — По-моему, я знаю, — сказала Оля. — До меня дошла слух о подобных говорах, слушая на и я не обратил на него внимания. Хотя, если бы и по, как раз такие мерзкие тихие салшчки и оказывались на проверку правдой. Когда слух прозвучит, все останется как есть.

— Ол, нехаль да без речеи? — перебила Дух. — Просто сказать нам, что ты слышла.

— О, это невероятной! — объявила Ол. — Вы не поверите, но вы бы не старались.

— Мне остается только рассказывать вам все и полагаться на вашу порядочность, — сказала Куроя. — Я и совершенно уверена, что это не пустая динерка. Институту времени предлагают продать Артефакт.

В хижине подиралась напряженная тишина. Максвелла и ее дуроза замерли, почти не дыша. Куроя удивленно переводила взгляд с одного на другого.

Наконец Дух сделал легкое движение, и в безмолвии им всем показалось, что его большой салшк зашуршал так, словно бы материализовался.

— Вот вам неизвестность, — сказала Оля, — как нам всем троем дорог Артефакт.

— Вы нас как троем парализовали, — объявила Ол. — Артефакт? — влогалоса произнес Максвелла. — Артефакт. Величайшая загадка. Таинственная притча в истории цивилизации.

— Таинственной загадка, — сказала Оля. — Не камень, — поправила его Дух.

Значит, вы могли бы объяснить мне, что это такое? — спросила Куроя.

— «Он вск салшк как раз и заключается в том, — подумала Максвелла, — что Дух не может ответить на ее вопрос, и никто другой тоже. Сколько десятилетий назад залучил Институт времени отпранившись в юрский период, обнаружил Арте-

факт на вершине холма, и он быд доставлен в настоящее пещю неизмеримых усилий и затрат». — Я не могу вам это только объяснить, — сказала Дух. — И никто не может.

Дух указал на Артефакт. Пока еще никому не удалось установить кто бы приблизительно, что такое Артефакт. Этот массивный брусок из какого-то материала, который не был ни металлом, ни камнем, ставил в тупик всех исследователей. Он был длиной в шесть футов и высотой в четыре и представляла собой густок сплошной черноты, не поглощавшей энергию и не испускавшей ее. Свет и другие излучения отражались от его поверхности, на которой никак не решались интуитивные мысли не могли оставить ни малейшего следа — даже лазерный луч оказывался бессильным. Неземной и непроницаемый Артефакт угрожал краху цивилизации. Он хранился в подвале музея в зале Музея Времени — единственный предмет в мире, для которого не было найдено хотя бы гипотетически правдоподобного объяснения.

— Не слышала, — сказала Куроя, — почему вы расстроились?

— А потому? — ответила Ол. — Что Питу кажется, будто это штука в далекую старину была предметом поклонения богатых людей? Или что есть люди, которые поклонялись им?

— Мне очень жаль, — сказала Куроя. — Нет, правда, я ведь не знала. Наверное, если сообщать в Институт.

— Это же только предположение, — возразила Максвелла. — У меня нет фактов, на которые можно было бы сослаться. Просто кое-какие ощущения, ощущение Ол, которое развилось в момент нахождения холма. Но даже и маленький народчик ничего не знает. Это ведь было так давно.

Там давно! Почти двести миллионов лет назад.

7

— Ваш Ол меня троем опешила, — заметила Куроя. — И этот домик, который он соорудил на краю света!

— Он оскорбил бы, если бы услышала, что вы назвали его жилище домиком, — сказала Максвелла. — Это хижина, и он ее гордится! Переход из пещеры в жилище. Ол, это было бы для него салшком тяжко. Он чувствовал бы, словно еще неужито.

— Из пещеры! Он и в самом деле жив в пещере? Я должен вам рассказать кое-что про моего старшего друга Ол. Он пробыл на холме салшком вьюн. И его рассказы далеко не всегда можно верить. Эта история про каннибалов, например...

— У меня сразу стало легче на душе. Чтобы алауны не дружили с Артефактом.

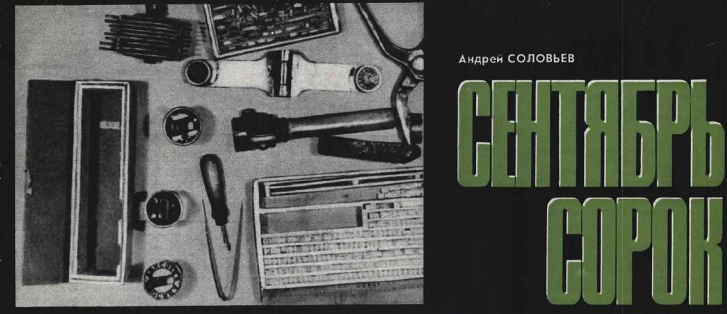
— О, каннибализм в свое время существовала. Это известно тому. Но вот доказать да бы Ол по-настоящему, если речь идет об общех суждениях, на его слове можно полагаться. Совмещались только описания его собственных приключений.

В теновой глубине ведь морозно мерзали зимние осенние звезды. Шоссе, почти совсем сухое, алого цвета, было бы для него салшком широким веером силан от университетского городка. Ветер, срывавшийся с гребня, приносил салшкый запах горячих листьев.

И отоях в очертании такая прелесть! — влознула Куроя. — Питу, по моему, мы обидимся без оглядки! Ведь построит огар, наверное, совсем неслужно.

— Он не способен жить без огия, — сказала Максвелла. — Именно отсутствие огия опешимого его боковые ветки, когда экспедиция доставила его сюда. Первое время с ним, конечно, обидимся, как с пленником — держали не то чтобы заперли, но под строгим присмотром. Но когда он стал так свельт, сам себе хозяином, он подкасал, влознула место за пределами городка и выстроила тено хижину. Притягиваю, как ему и хотелось. И, конечно, с огнем. И с огородом. Вам непременно салдулет рассмотреть его огора. Идею, что питу можно выращивать огора для огия, он придумал воев. В его времена никто и представить себе не мог ничего подобного. Гвозди, шпалы, молотки и доски тоже были ему в новинку, как и все остальные. Но он придумал, как использовать огорскую гибкость и с легкостью осваивал как новые инструменты, так и новые идеи. Его ничто не могло опешелить. Свою хижину он строил, влознула питу, молотком, гвоздями, а все прочим. И все-таки, мне кажется, больше всего его потряс огора — возможность выращивать питу, вместо того чтобы охотиться за ней. Вероятно, вы заметили, что я и сейчас салшк интуитивно алауно даю конда принальнуть к изобилию и доступности огия.

Плану штурмана и штурмана или штурманского оборудования.

Аудиенция у Кальтенбрунера

Скорцени и Грейфе не прекращают работы над планом операции. Вскоре Кальтенбрунер утверждает общую схему: Таврина перебрасываются по воздуху в Подмосквье, пробиваются в Москву и, устроившись там на жилье-столовую, разведывают местонахождение и маршруты поездов Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР, изучают пропускную систему на торжественных заседаниях в Красной площади, проникают туда и в удобный момент совершают террористический акт.

При одном исходе предприятия гаври службы безопасности рассчитывают не только на награды из рук фюрера. Их ставка значительно крупнее: они полагают, что посетит главно среди советских людей, присоединившись к неустойчивой коалиции в Красной Армии, и посетит разлад в антигитлеровскую коалицию и если не слухт «важную имперскую» от окончательного разлома, то по крайней мере выигрывает время, чтобы фюрер нашел какой язык с Западом.

Вот почему Скорцени и Грейфе с профессиональной скрупулезностью отстраивают план. И постепенно из общей, теоретически обозначенной схемы он превращается в тщательно продуманную систему мероприятий, обеспечивающих, по их мнению, безусловное проникновение Таврина в Москву и успешное проведение операции.

В начале января 1944 года в кабинете начальника главного управления имперской безопасности обергруппенфюрера Эрнста Кальтенбрунера состоялось секретное совещание. Присутствовал узкий круг лиц: сам хозяин, его правая рука бригадир-фюрер Шелленберг, Скорцени, Грейфе и начальник «Русланд-Норд» штурмбанфюрер Краус. Обсуждается окончательный вариант операции.

После обстоятельного доклада Скорцени присутствующие детально разбирают каждую позицию плана, взвешивая ее целесообразность и надежность. План утверждается.

— Я полагаю, господа,— говорит в заключение Кальтенбрунер,— что вы понимаете, как важна для нас эта операция. Положение на фронтах тяжелое. Наши доблестные войска, несмотря на героическое сопротивление, продолжают пока отступать... Фюрер выражает явное неудовольствие деятельностью секретной службы и требует от нас реальных акций... Надо надеяться, что осуществление данной операции поправит военные дела Германии и даст нам возможность снова овладеть инициативой... Отто, вы уверены, что агент не поведет нас?

— Он проверен на серьезных делах. Кроме того, он прекрасно знает, что его ждет в случае задержания в СССР.

— Тогда просто строго следовать плану. На подготовку агента не жалейте ни труда, ни денег — положительный результат окупит все расходы. Считаю, что следует использовать «панцерняк» и магнитные мины с дистанционным радиозаврывателем. С ними противник еще не встречался. Это облегчит агенту выполнение задания. С нами бой!

Гестапо экипирует

Итак, план утвержден. Скорцени, Грейфе и Краус приступают к непосредственному его осуществлению. Десятки подразделений гестапо, СД и «Абвера» срочно готовят образцы различных советских документов, штампов и печатей, профобразцы оборудования, предметов фронтového обихода. Начальник главного эзсовского центра «Генрихские вспомогательные средства» оберштурмбанфюрер СС Берхард Крюгер лично руководит изготовлением фактивных документов.

Поскольку Таврина перебрасываются в Подмосквье под видом боевого, заслуженного офицера, ему шьют общевойсковую форму майора Советской Армии, к которой прикрепляют Золотую Звезду Героя и высшие боевые ордена СССР. Для документального прикрытия эти «заслуги» ловко фабрикует орденские книжки и газетные вырезки с соответствующими Указами Президиума Верховного Совета СССР и приказами командования В подтверждение легенды о тяжелом ранении, будто бы полученном в бою, Таврину

настоятельно предлагают специальную хирургическую операцию, в результате которой одна его нога станет короче. Однако Таврина наотрез отказывается. Не помогают заверения медицинских светил, что после возвращения с задания потерпевший операцией он будет избавлен от хромоты. Тогда его помещают на три недели в одну из лучших клиник, где с помощью скальпеля искусными шарами имитируют тяжелое осколочное ранение в область живота и левого бедра и подкрепляют это справками «советских госпиталей».

Чтобы свести к минимуму неизбежные распросы и проверки Таврина на советской территории, замаскировать его уклонные ответы намеками на «служебные тайны» и облегчить проникновение в места нахождения Верховного Главнокомандующего, агенту определяется должность заместителя начальника отдела контрразведки «Смерш» 39-й Армии 1-го Прибалтийского фронта. После долгого, кропотливого труда ему вручают служебное удостоверение оперативного сотрудника «Смерш».

Для беспрепятственного проезда из района призыва в Москву Таврина получает особый конверт со всеми внешними атрибутами пакета государственной важности (адрес, штампы высшей степени секретности, сургучные печати), якобы исходящего из штаба фронта. Этот пакет вместе с секретными грузами (жигирское оружие, безприпасы, рации) Таврину «уполномоченно» срочно доставить в Москву и «передать лично» начальнику Главного управления контрразведки «Смерш».

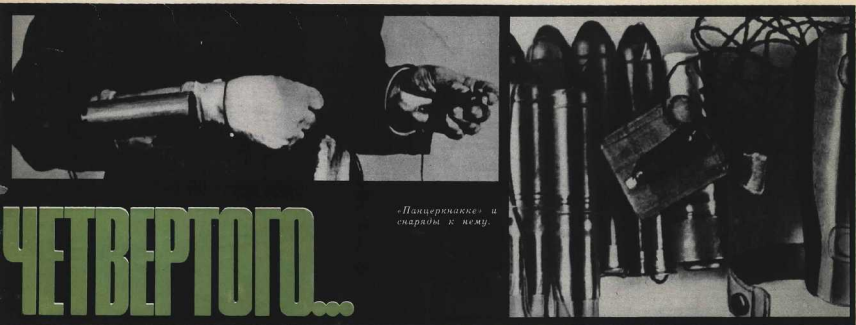
Однако и этого, по мнению РУКР могет, было недостаточно. Поскольку Таврину в столице СССР пока понадобятся посторонняя помощь, ему выдают для снабжения предлагаемых сообщников более 500 самых различных документов и бланков — на все случаи жизни: всевозможные служебные удостоверения, паспорта, трудовые книжки, командировочные предписания, отпускные билеты, денежные и продовольственные аттестаты, шоферские права, требования на воинские перевозки, дипломы вузов и техникумов, свидетельства о рождении, справки о снятии с воинского учета и т. д. и т. г. Самые лучшие специалисты-граверы в срочном порядке изготавливают для Таврина более 120 печатей и штампов военных, партийных, государственных учреждений и предприятий, ручные прессы с объемными печатами Главного управления милиции для паспортов, почтовые металлические штампы Московской эскадрильи, полевой почты и... даже факсимиле Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Особое внимание уделяется средствам совершения террористического акта. Умело вводя Таврину мысль о сравнительной легкости и безапаказности его «миссии», гитлеровцы прекрасно понимают, что посылают агента на верную смерть. Однако это их меньше всего беспокоит. Им важно, чтобы Таврин СУМЕЛ промочить покушение и чтобы любой вид покушения дал СМЕРТЕЛЬНЫЙ ИСХОД.

В этот связи Таврин получает весьма разнообразное оружие: несколько пистолетов различных систем и калибров, в том числе 8-зарядный «Скотт» с патронами из железного ящика с изобретенным черепом на черном фоне; див аппарата специально созданного в лабораториях главного управления имперской безопасности реактивного оружия «панцерняк» — своеобразного ручного броневоего миномета. Он состоит из лапуной трубы, которая прикреплялась к руке с помощью кожаного футляра и пряталась под рукав френча или шинели. В трубку вкладываласькумулятивная броневое-буфетная граната с электрическим запалом. Стрельба проводилась с руки; электроимпульс — от батарей керманного фонаря. Такой снаряд на дистанции в 300 метров пробивал броневую плиту толщиной более 40 миллиметров!

В дополнение к пистолетам, разрывным, отравленным пулам и гроному «панцерняк» Таврину дают малагобаритную, большой разрушительной силы магнитную мину, зрывающую на расстоянии с помощью радиосигнала определенной частоты. Однако хозяева понимают, что весь этот арсенал документов, чистых бланков, штампов, печатей и самых современных средств убийства на первом этапе играт второстепенную роль, ибо серьезно демаскирует террориста и может уже в самом начале погубить всю операцию. Как же обеспечить максимальную надежность переброску Таврина в Советский Союз? Однако террориста непосредственно через линию фронта бы слышком рисковать: его могли задержать, ранить, убить; выброска на парашюте затронула как доставку экипировки, так и достаточно быстрый отрыв агента от места приземления. Поэтому принимается решение использовать «Арадо-332» — опытный образец новейшего самолета фирмы «Мессершмитт», сконструированного по специальному заданию главного управления имперской безопасности. Самолет на большой высоте должен пронизать в совет-

* Продолжение. Начало см. в № 16.

«Панцер ace» и взгляд к нему.

ский тыл и в районе Вазема — Ривов приземлится. Высадив агента и выгрузив его имущество, вернется на базу.

Для немедленного «исчезновения» с места посадки и транспортировки вооружения, боеприпасов, радиосредств и других предметов экипировки выбирается мощный мотоцикл «Шундан» с южской, способный везти груз со скоростью 120 километров в час.

Чтобы поддерживать устойчивую связь с Берлином, Таврин берет портативный радиопередатчик с соответствующими шифровальными и дешифровальными блоками.

На расходы, связанные с пребыванием Таврина на советской территории и подготовкой покушения, ему ассигнуется 500 тысяч рублей.

Так шла материализация замысла, который в обстановке непрекращающихся мощных ударов советских войск с каждым днем приобретает, по мнению фашистов, все больший вес и значение. Гаварн гестапо не знает ни сил, ни средств? Они пытаются предугадать, мельчайшие детали операции, свести вероятные трудности и возможные осложнения к минимуму, создать предпосылки для успешного осуществления плана.

Карты открыты

В апреле 1944 года Таврин снова вызывается в Берлин — для контрольной проверки уровня его террористических навыков. Основные занятия проводит оберштурмбанфюрер Хенгельгаут, заменивший погибшего при авиакатастрофе Грейфе.

Пытается создать атмосферу «полного доверия» и поддерживать «боевой дух» Таврина, Хенгельгаут налаживает с ним внеслужебные отношения. Террорист становится частым гостем семьи оберштурмбанфюрера. Это ублажает его самолюбие. Через несколько дней он отправляется в уже знакомый Фриденальт и осваивает так «панцерникак» и магнитные мины.

На исходе второй недели Таврин предстал перед Скорцием. Длительная, сутубо секретная беседа. Человек со шармом открылся, наконец, главную карту: объект убийства — Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Советского Союза. Таврин давно догадывался об этом (и не мудрено — ему столько твердили об «историчности» его миссии). И все-таки известие железным образом стигает сердце и перекачивает дыхание, ведь тайне Таврина надеялся, что ошибается в своем продолжении.

А Скорцием подробно разбирает основные, наиболее приемлемые варианты совершения убийства, старательно подчеркивая серьезность каждого из них — ввиду якобы наличия серьезной оппозиции широких слоев советского населения к правительству и достоящему количеству враждебных элементов, готовых за деньги пойти на любое преступление и вполне способных помочь Таврину беззаказно скрыться.

Таврин молча выслушал разглагольствования шефа. Но в душе сомневался. Сомневался вопреки всем разъяснениям, инструкциям, советам и заверениям.

А выхода не было. Отказ от задания неизбежно вел к жесткой и мучительной смерти...

Пытается проглотить гнетущему чувству обреченности, со слоганом кивает головой в такт не в меру оптимистическим прогнозам Скорцием.

Наряду с основной, главной «надеждой» Скорцием подробно обсуждает с Тавриным и другие вопросы. В частности, он ставит перед ним такую задачу: подобрать в Подмосквовье удобные районы для высадки «специальных парашютно-десантных групп захвата особого назначения» и консервативные квартиры для их укрытия. Проводя нелегую параллель с помещением австрийских правителей Микала и Шушвига и особенно Муссолини, Скорцием не в силах совладать с буйно разгулявшейся фантазией: он развертывает перед приближенным агентом мнимые, карикатурно широкие террористические акции и великие подвиги... Правда, он и сам в них не верит, но это словоблудие, как чудотворительный бальзам, позволяет ему не миг отрешиться от мрачной действительности.

Перед отъездом в Ригу (для окончательной «доводки») Таврин снова был доставлен в Власову.

«Главнокомандующий» благословил предателя на «подвиги» и по-отечески рекомендовал ему не спешить, быть крайне внимательным, осмотрительным и осторожным.

— Вы должны помнить, Петр Иванович, дорогой наш брат, что вам доверено великое дело...

Продолжил беседу, Власов подтвердил особую важность и второй задачи, поставленной Скорцием перед Тавриным, но в более сдержанной форме.

До предела нагичкавший указаниями, рекомендациями, советами и напутствиями, Таврин возвращается в Ригу. И снова тренировки, снова психологическая обработка. Так проходит несколько недель.

Наконец, к началу августа подготовка признана законченной. По совету Скорцием — для оказания помощи Таврину, в главным образом для неуспешного контроля за его поведением и действиями в советском тылу — принимается решение перебраться вместе с ним его советчицке Шиловаву Л. Я., являющуюся старым, проверенным агентом штурмбанфюрера Краусом.

Е в срочном порядке обучают радиоделу, фабрикуют удостоверение личности и другие документы на имя младшего лейтенанта Шиловаву Лидии Жюльевны — секретаря того же отдела контрразведки «Смерш», натаскивают по легенде и готовят к совместной высадке. Одновременно, в секрете от Таврина, Шилова подробно инструктируется Краусом. Ее главная задача — добиться во что бы то ни стало решительных усилий Таврина по выполнению задания. При малодушии, трюсости, умалюженной задержке покушения она должна действовать не только словом, но и силой оружия; в случае прямого предательства Таврина — убраться его; при захвате с полчищем во избежание дезинформации со стороны советских органов госбезопасности — использовать ряд только его известных особенностей зашифровки радиогимна...

В последние числа августа 1944 года Скорцием раторговал Кахтенбухнеру о полной готовности. Обергуппенфюрер сообщил, что Гиммлер в ближайшее время должен быть операцией самому фюреру, и возложил на Скорцием личную ответственность за ее осуществление.

Ути, Отто, это наша последняя ставка. Если дело совершется... Впрочем, ты не хуже меня знаешь обстановку. Нашим неудачам вконец кинемата фюрера, а после покушения 20 июля он в каждом видит врага и предателя... Провалить операцию ни в коем случае нельзя.

Думаю, что агент должен совершить акцию как можно скорее. Крайний срок — ноябрьский праздник русских: ни шестого на торжественном заседании Советского правительства в Большом театре, ни на следующий день, во время демонстрации на Красной площади. Чего бы это ни стоило... Ты понял, Отто?

Четвертого сентября 1944 года, поздним вечером из ворот мрачного серого здания «Русланд-Норд» выехали три легковых автомобиля. Вспарывая жгул тоннами глумил замаскированных фар, они помчались по пустынным улицам Риги, затем вырвались за город, на проселочную дорогу. Она была неровной, с колдобинами и лужами. Шюфер хотел сбросить скорость, но Хенгельгаут, ежeminутно подпирывая на заднем сиденье, приказал спешить. Краусу время от времени потыпывал назая — за ними следовала машина с главными действующими лицами: Тавриным и Шиловаву.

Минут через сорок они прибыли к месту назначения... на поляво, строго засекреченный и банально охраняемый аэродром «Русланд-Норд». Подъехали прямо к самолету. Слабо освещенный несколькими синими лампами, он поразил своим размерами. Семидесятиметровые плоскости, сливаясь где-то в высоте с темным облачным небом, казались бесконечными, моторы с четырехлопастными винтами — словно осмигноги, выпившие в огромного зверя.

Должд командиры экипажа: все в порядке, самолет готов к вылету. Короткое минутное слово Хенгельгауту, крепкое рукопожатие.

Наконец самолет мягко отделился от земли и ушел в черную ночь...

Очаровательная фрау

...Только бы оторваться...

Мотоцикл летит на предельной скорости по проселочной дороге. Уже совсем рассвело. Вот впереди за лесным поворотом мелькнул дома. Как-яко деревья. Сейчас он определит свое местонахождение, и тогда — ищи ветра в поле... От этой мысли ему становится спокойнее, руки увереннее сжимают рукоятки руля, мир кажется не таким страшным и опасным.

¹ На подготовку Таврина гестапо нарасходовало около 5 миллионов марок.

«Только бы оторваться...»

Но Таврин и Шилова, как и хозяева агентов, не ведали, что судьба их уже решена, что им ждут, ждут именно в Смоленской и Калининской областях...

Еще в августе, вскоре после утверждения Кальтенбрунером района приземления «Арадо-332» и сроков осуществления операции, один из доверенных сотрудников оберштурмбанфюрера Хенгелгаута передал очаровательной хозяйке небольшого уютного кафе Frau Зейферт роскошный набор парников дугами. Frau была тронута до слез и под аллюдициями присутствующих позволила существовать жарко ее облобызать.

Поздней ночью, когда гости, протиснувшись с хозяйкой, покинули гостеприимное кафе, Frau Зейферт закрылась в своей спальне, осторожно вскрыла острям ночью боковую стену коридора и под розовым швейцарским углом — маленький знакоч: сведения исключительной важности, подлежащее срочной передаче в центр. В три часа утра Frau через небольшое люк спустилась по лесенке в подвальный бункер и, настроившись на известную ей волну, дала передачу в эфир шифрованными текстами.

Утром на стол начальника Главного управления контрразведки «Смерш» легла расшифрованная радиограмма.

Берлинский источник сообщал, что в начале сентября в Смоленскую или Калининскую области с помощью ночного десантного самолета навиокинг конструкции, способного приземлиться даже на лесной поляне, будут заброшены под видом офицера Советской Армии специально обученный агент-террорист и его напарница с целью покушения на Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР.

Радиограмма была сопоставлена с показаниями захваченной советскими контрразведчиками в июне 1944 года в лесных лесах группы фашистских парашютистов, выполнявших задание по подсыanky площадки, пригодной для ночной посадки десантного самолета...

Стало ясно, что в зенитной артиллерии и в частях противовоздушной обороны, обведенных в готовность чехкистка оперативно-поисковая служба в Смоленской и Калининской областях.

Контрольно-продуктивные пункты, подкидные посты (под видом артиллерийских, дорожных рабочих и лесников), в состав которых наряду с чехкистами и солдатами Советской Армии входили и местные жители, перекрыли основные магистрали на подступах к Ржеву и Вязьме, специально выделенные группы вели круглосуточное наблюдение за воздухом. Особое внимание было уделено району, где находились подобрачные парашютистами посадочная площадка, координаты которой они передали в эфир еще до задержания. Здесь была организована специальная засада.

И когда «Арадо» поздней ночью 5 сентября вывалился из заоблачных высот и вскоре поочередно сбросил своих четырех моторов, пытаясь в последний момент вырваться из земного плена, в штыбе зевато зевачул условный радиосигнал.

Теперь, как бы ни мчались террористы «оторваться», с какой бы бешеной скоростью ни мчался мотоцикл, незримое колючею немощно сжималось вокруг них.

...Мотоцикл с ходу влетает в какую-то деревушку, прожигая ее и резко тормозит у последней заставы. Не сходя с мотоцикла, Таврин спрашивает у вышедшего на встречу паравана дорогу на Ржев. Тот отвечает ближе ик, а взгляд на забрызганных грязью незнакомцев, только объясняет, как на нее попасть. Мотоцикл срывается с места и исчезает за поворотом...

Спустя некоторое время в оперативный штаб зевато ушла радиограмма: в Кармановском районе Смоленской области зафиксировано появление мотоцикла с двумя пассажирами — мужчиной и женщиной в форме военизированной Советской Армии, интересовавшихся дорогой на Ржев.

Слешно уточняются координаты, вероятный маршрут их движения, сопоставляются данные с местом приземления фашистского самолета. Принимаются меры к заставе «гогста».

Обреченные

На перехват террористов выехали чехкисты Кармановского районного НКВД, офицеры военного комиссариата и представители местного партийно-советского актива. Разбившись на несколько поисковых групп, они перекрыли все дороги района, ведущие к магистральным шоссе. Задача — обнаружить террористов, захватить их живыми. Только живыми! Нужны точные сведения о характере задания, способах его выполнения, преступных связях на советской территории и о лицах, готовящихся к переброске в СССР.

...Из небольшой лощины, пересекающей дорогу, выскочил мотоцикл. Увидев патруль и их сигнал, Таврин нехотя тормозит. Настороженным взглядом оценивает обстановку, но тут же успокаивается — с его героической звездой и истрепанным документом эта передача совсем не страшна.

Таврин приветливо улыбается и просит его не задерживать: он слышит в Москве с особо срочным и важным пакетом. На просьбу предъявить документы и путевой лист небрежно растягивает куртку и, доставая из нагрудного кармана гамбургеры, удостоверяет сотрудника «Смерш», уменьшающего медлит, показывая патрульным Золотую Звезду Героя и боевые ордена.

Старший наряда внимательно смотрит удостоверение личности, командировочное предписание и путевой лист.

...Исправив малейшие неточности, показывая, как у вас неправильно оформлено командировка, м, чтобы вас не задерживали в дороге и на КПД, пройдите со мной и поставьте нужный штамп.

Таврин, теряя самообладание, возмущенно говорит, что он выполняет особо срочное государственное задание и что у него нет времени, но затем беря себя в руки и во избежание нежелательного шума идет вместе с патрульным в дом.

...Мгновенная светает — и Таврин со скрученными руками, не осознавая еще свое свершившееся, тут же смотрит на окружающих его людей. Потом пытается протолкаться против «команды» и, выходя из дома, берет в руки мотоцикл приносит радиостанцию, «лампочконосцы» со снарядами, магнитные радиодугасы, пистолеты разных систем и калибров, более 300 боевых патронов, гранаты. Ложатся на стол «наборы партинские билеты, паспорта и гряды в основном из партийных, комсомольских, советских учреждений и предприятий, печати и штампы; наборы металлических и каучуковых типографских шрифтов и много, много другого...

В Москву летит «молния» об успешном завершении операции.

Вита ЖИЛИНСКАЯТЕ

Юмористические рассказы

«...аньше старый холостяк или старая дева смотрелись ordinarily. Не захотел или не смог человека создать севью — ну и живи себе на заробыв».

Мимо между старыми девами и старыми холостяками появились существующие различия.

Название «старая дева» ценится сквозь зубы: пропала дева, живай балбасты!

А о старом холостяке говорят с несправедливым уязвлением и даже схищнением. Кто же не знает, что эту одномуному мужчине достаточно пожелать женщине — и сразу соберется целый полк желающих шагать с ним ногой по обочине жизненной пути. Старый холостяк, даже и в семидесяти лет, все еще имеет шанс всегда найтись кому попомнить его дитячешим творчеством и покуснуть под холодную пятку гоним.

Поэтому старые холостяки примера существуют свою возрастную ценность, и это включает их одиночные сердца благодарной гордостью. Но этот возмущающий спор, и сомнительно, имеет и оборотную сторону медали. В то время, как старые дева наследуются благословенным, неуверенным пономем, старые холостяки постепенно начинают мушкетовать себе точно окуроченные рожи лица. Где бы они ни были и что бы ни делали, они постоянно мерещится, что вот-вот им попомонут в ноги. И тогда среди бела дня ноги и мимолет, или среди ночи, заперев у ковер, выбросить эту дивную серию и спроводит каждый шаг старого холостяка. Поэтому с немыслимой мучиной, который уже перевалил за возраст, кричать, женщине становится почти невозможно.

Знала и в одного такого старого холостяка. В гости к нас с ним поехали рядом, и я пожелала разгоровиться в Сочи на очередной областной выставке. И хотя он и мыслящий, на вид, личность. Поиски в этот дивный серию и думаю (и это отнесла за счет стеснительности), заговорила с ним сама. И вот что произошло: она еда правда — показала я на стол.

Рисунки Олена ТЕСЛЕРА

ИГРАТЬ СТАЛИ ПО-МУЖСКИ

В октябре 20 лучших советских шахматистов соборуют в Сочи на очередной финал Всесоюзного женского чемпионата. Характерная особенность турнира — участие в СССР нынешнего года — представительниц различных молодежных из различных районов страны.

С каждым годом уровень игры шахматисток неулучшается, и хотя они еще уступают мужскому, примеров настоящих мастеров в женских турнирах и матчев становится все больше. Обращают на себя внимание и спортивные успехи юных шахматисток в мужских состязаниях. Вспомним, например, недавнее успешное выступление Ноны Гатринадзе на международном турнире в Швеции, посвященном 50-летию Гегеборга. Или 50 процентов оиска На-

ли Александрии в финале всесоюзного чемпионата общества «Шахматы».

Героизм спортивной выдержки сейчас тут шахматистки с творческой это чести. Чтобы убедить в этом читателя «Смена», прилага-

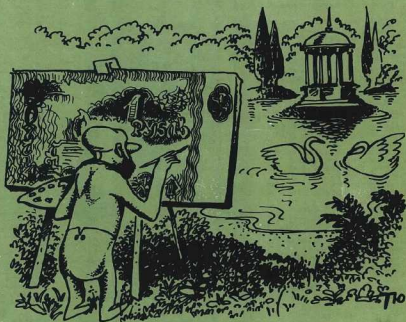
Под редакцией Иштара Виктора ЛЮБИЦКОГО

Рисунок Анатолия БУДИЛОВА

Рисунок Феликса КУРИЦА

Рисунки Сергея ТЮНИНА

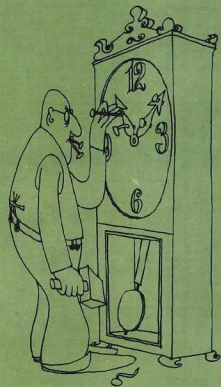
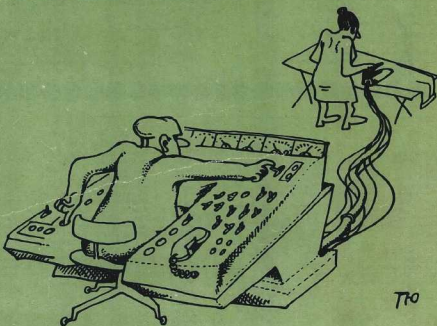

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14,
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 24/VIII 1971 г. А 00976. Подписано и печати 17/IX 1971 г. Формат бум. 70 × 108%.
Усл. печ. л. 5,60. Уч.-зд. л. 11,55. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 2006. Заказ № 1766.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

МГНОВЕНИЯ ТАНЦА

Со стр. 18.

МУДРЫЙ КЛОУН.

СВЕЖЕСТЬ РИСУНКА, ВЫ-
РАЗИТЕЛЬНОСТЬ ТАНЦА.
ЭТО «ПА-ДЕ-ДЕ».

ОНИ СЛОВНО СОШЛИ СО
СТАРИННОЙ ГРАВЮРЫ.

ТРАГИЧЕСКОЕ И СМЕШНОЕ ЧЕРЕ-
ДУЕТСЯ В СОНЕ МИНИАТОР...

